

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Ваш ход, миссис Норидж

Новый настоящий детектив Елены Михалковой

Елена Михалкова

Ваш ход, миссис Норидж

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Михалкова Е. И.

Ваш ход, миссис Норидж / Е. И. Михалкова — «Издательство АСТ», 2020 — (Новый настоящий детектив Елены Михалковой)

ISBN 978-5-17-133630-1

Благопристойные английские поместья напоминают глубокие озера с темной водой. Что скрывается там, за невозмутимой гладью? Твердое надежное дно или коварные омуты, мелкие безобидные рыбешки или страшные зубастые чудовища? Твердость духа, незыблемые принципы и типично английское чувство юмора помогают Эмме Норидж блестяще разрешать загадки, которые подбрасывает ей жизнь. Берегитесь, господа, – гувернантка выведет вас на чистую воду! Продолжение полюбившихся читателям рассказов про миссис Норидж, английскую гувернантку, в новой книге «Ваш ход, миссис Норидж».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133630-1

© Михалкова Е. И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Цветы миссис Гринвич	6
Ваш ход, миссис Норидж	23
Миссис Норидж слушает	49
Часть 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Ивановна Михалкова

Ваш ход, миссис Норидж

Ане – с благодарностью за лучшую игру миссис Норидж

© Михалкова Е., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Цветы миссис Гринвич

Ни у кого не повернулся бы язык назвать миссис Норидж дамой со странностями. А между тем она была одной из самых необычных женщин, встречавшихся модистке Эффи Прист.

Эмма Норидж выглядела образцовой гувернанткой, словно сошедшей со страниц одного из тех восхитительно пухлых романов, где брошенные дети снуют по улицам большого города, точно рыбки, занесенные течением в распахнутую пасть Левиафана, кроткие непорочные девушки претерпевают лишения, которых не выдержал бы и солдат, и любящие сердца воссоединяются после долгих лет испытаний и разлук. В таких романах непременно присутствует черствая, как старый бисквит, гувернантка, которая запирает бедных сирот в холодных подвалах, третирует их и притесняет. Лишенные форм тела затают в жесткое накрахмаленное платье, как в броню, она не умеет улыбаться, и читатель вроде Эффи отдал бы все, чтобы на последней странице ее съели крысы – но только украдкой, чтобы не омрачать предсвадебную суматоху.

Миссис Норидж действительно имела строгий вид, и ее черные платья лишь по праздникам сменялись темно-коричневыми. Гувернантка шла на эту серьезную уступку общественным устоям дважды в год – на Пасху и на Рождество. Улыбка редко озаряла ее худое, даже несколько костлявое лицо с сильно выдающимся подбородком; серые глаза под густыми бровями чаще бывали прищурены, чем широко раскрыты, ибо мало что могло поразить Эмму Норидж, но многое заставляло задуматься.

Несмотря на все вышеперечисленное, Эффи Прист замечала, что дети искренне привязываются к гувернантке. Миссис Норидж обыкновенно не задерживалась у своих нанимателей дольше, чем на два года, твердо стоя на том, что за такой срок даже овцу можно обучить музыке, рисованию и немецкому языку, и если уж она не преуспеет в этом с обычным ребенком, ее необходимо выгнать и заменить на более знающую особу. Миссис Норидж позволяла себе не любить французский: он придавал, по ее словам, излишнюю выразительность сказанному. «Вы не в театре, моя дорогая, – строго заметила она однажды своей воспитаннице, решившей блеснуть познаниями в языке Бальзака. – Если уж непременно хотите произвести на нас впечатление, говорите по-немецки».

Закончив обучение своих подопечных в семье, миссис Норидж делала перерыв на два-три месяца. «Когда работаешь с детьми, отдыха много не бывает», – говаривала она. Однако и на отдыхе гувернантка продолжала вставать в шесть утра, а ее многочасовые прогулки в любую погоду стали притчей во языцех среди жителей Эксберри.

Посторонние могли бы счесть ее высокомерной и замкнутой. Она не искала ничьей дружбы, однако легко заводила друзей. Немало нашлось бы желающих избавить город от ее присутствия! Но хватало и тех, кто не устал благодарить судьбу за встречу с миссис Норидж.

Словом, гувернантка казалась миссис Прист ходячим парадоксом. Познакомившись с ней ближе, Эффи с изумлением открыла, что миссис Норидж не лишена чувства юмора, хотя и несколько специфического свойства. Не раз во время беседы миссис Прист посмеивалась от души. Собеседница при этом взирала на нее с неизменно чопорным выражением, словно задаваясь вопросом, чем вызвана эта веселость.

О ее юности, семье и покойном муже Эффи ничего не было известно. Миссис Норидж не окутывала себя таинственностью, однако некоторые двери держала плотно закрытыми.

Старший брат Эффи, Барри Гринвич нацепил котелок и взялся за ручку двери. Мистер Гринвич был внушительным мужчиной, однако в эту минуту вид у него был неуверенный.

– Поговори с ней, – напутствовала его Эффи, – Расскажи ей все как есть, ничего не утаивай!

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Барри. – Только все ж таки лучше бы ты пошла со мной, Эф.

Однако миссис Прист без долгих раздумий выпроводила его, присовокупив напоследок, что миссис Норидж не сочтет его неотесанным невежей, поскольку предупреждена.

С тем Барри и ушел. Эффи проводила взглядом его сутулую спину в коричневом пальто и вернулась к шляпке для миссис Уивер, которую обещала закончить к завтрашнему утру.

Гувернантка прогуливалась вдоль озера, как всегда в это время дня. Барри Гринвич, чувствуя себя до крайности сконфуженно, приподнял котелок и отвесил неуклюжий поклон.

– День добрый, миссис Норидж! Простите, вы меня не знаете.

Он побагровел от неловкости. Ну, Эффи!.. Что за вид у него сейчас, заговаривающего с незнакомой женщиной в безлюдной местности! А в какое положение она поставила свою подругу!

Однако гувернантка не выглядела смущенной.

– Здравствуйте, мистер Гринвич! – спокойно сказала она. – Ваша сестра много рассказывала о вас. Вы составите мне компанию? Сегодня здесь на удивление много птиц, за ними интересно наблюдать.

Они пошли по берегу, где ивы макали длинные ветви в воду, и вскоре Барри обнаружил себя вовлеченным в беседу о повадках перелетных гусей и особенностях охоты на тетерева.

Наконец он набрался духу, чтобы перейти к делу.

– Позвольте, миссис Норидж, попросить вашего совета. – Он дождался заверений, что та будет рада помочь, и продолжал: – Как вы, должно быть, знаете от моей сестры, месяц назад я овдовел. – Он указал на траурную повязку на рукаве.

– Миссис Прист говорила о вашей утрате. Примите мои соболезнования, мистер Гринвич.

– Благодарю вас. Моя супруга, да упокоит Господь ее душу, держала хозяйство, как бы это сказать, в крепком кулаке. У нее были свои привычки, которые много лет оставались неизменными. Например, никому не разрешалось переставлять ее чашку в буфете, она всегда должна была занимать строго отведенное место... Вы сейчас поймете, к чему я это говорю.

Он смутился и искоса посмотрел на миссис Норидж, проверяя, не смеется ли она над ним.

– Сколько лет было вашей жене, мистер Гринвич?

– Шестьдесят три. Мы прожили с Джудит сорок два года. – Барри Гринвич тяжело вздохнул.

Она кивнула, призывая его продолжать рассказ.

– Три недели назад я зашел в спальню Джудит, чтобы взять пару вещей. В то утро мы виделись с попечительницей благотворительного общества, и я пообещал ей передать кое-что для девушек, попавших в беду. Я хорошо помню, как выглядели полки, когда я закрывал дверцы шкафа. Попечительница, миссис Гулдикрейн, выразила мне свою благодарность... чрезмерную, как по мне, потому что передал-то я всего три теплых шали да старую накидку, которую Джудит лет двадцать не надевала... но слышать это было очень приятно. Спустя некоторое время я решил, что мог бы отправить в общество и еще что-нибудь. Комнату Джудит я не люблю, – нехотя проговорил он. – У меня есть на то свои причины. Признаюсь, мне пришлось готовиться к этому пару дней, пока наконец я решился. На этот раз вещи в шкафу лежали совершенно не так, как я их оставил! Сказать по правде, несмотря на свою педантичность, Джудит не отличалась особенной аккуратностью, да простит она меня за такие слова. – Мистер Гринвич перекрестился, бросив опасливый взгляд за правое плечо, словно покойная супруга

сопровождала его, следуя чуть позади. – Ее шали и накидки были сложены так же, как при ней. Словно она явилась и навела порядок по-своему, как привыкла.

– А что говорит служанка?

– Мэри уверяет, что не прикасалась к вещам.

– Что-нибудь пропало? – спросила миссис Норидж. В глубине души она сомневалась, что Барри Гринвич знал, как одевалась его супруга, но, к ее удивлению, он твердо ответил, что все на месте.

– Я не осмелился брать оттуда что-либо еще. Как-то, знаете, рука не поднялась. Где-то неделю спустя я вернулся домой раньше, чем предполагал – не к ужину, а к чаепитию. Дома была Бернис, наша кухарка. Я вошел в гостиную, и мне в глаза бросилась чашка из мейсенского фарфора, с фиалками – любимая чашка Джудит. Она стояла на столе, стул был слегка отодвинут. Понимаю, то, что я говорю, звучит нелепо... Но выглядело все так, словно кто-то только что отошел от стола. Я, разумеется, решил, что это дело рук Бернис, однако она довольно ядовито заметила, что если бы хотела утащить чашку, то не стала бы оставлять ее на виду.

– Кухарка могла выпить чай из чашки покойной хозяйки, – заметила миссис Норидж.

– Бернис с Джудит не раз устраивали перебранки... Уж если говорить начистоту, Бернис скорее плюнула бы в эту чашку, чем стала бы пить из нее. Она клянется, что не отрывалась от своей стряпни. Говорит, у нее в мыслях не было переставлять посуду в буфете.

– Пойдите-ка... – Гувернантка нахмурилась. – Так посуда была переставлена?

– В том-то и дело! Когда я встал на табурет, увидел, что блюда сдвинуты, а пара чашек перевернута. Супруга моя покойная всегда так делала, когда протирала там пыль, – она ни кухарку, ни служанку до этого ответственного дела не допускала, говорила, что они все перебьют.

Мистер Гринвич испустил долгий прерывистый вздох.

– Я, конечно, все равно грешил на Бернис. Посудите сами, миссис Норидж, ведь дома, кроме нее, никого и не было. Но что-то меня грызло... Ведь, ей-богу, ей незачем было брать чашку. А уж пыль протирать – и подавно! Она своей-то работой тяготится, зачем же ей взваливать на себя чужую?

– А служанка? – спросила миссис Норидж. – Мэри могла прийти в ваше отсутствие?

– Мочь-то она могла, да только от Мэри не дождешься, чтобы она столы лишний раз протерла, уж о зеркалах и не говорю. До буфета она никогда в жизни не добиралась. Нерадивая девица. Но ведь и на этом дело не закончилось! Потому-то я и обратился к вам... – Барри замялся. – Сказать по правде, не знаю, чем вы сможете мне помочь, но Эффи велела все выложить вам как на духу.

– Так что же еще случилось?

Мистер Гринвич снова вздохнул так тяжело, словно последняя часть рассказа потребовала от него концентрации всех жизненных сил, и промокнул черным платком взмокший лоб.

– Джудит цветов никогда не любила, – сказал он. – Считала, баловство это все и глупость. От них, говорила, у нее голова раскалывается. А пару лет назад вдруг начала возвращаться домой с букетами. Высокие такие цветы собирала, вроде колокольчиков... Внизу, у реки.

Миссис Норидж понимающе кивнула. Пойма широкой и быстрой реки Марот, протекавшей под Эксберри, в июне приобретала нежный розово-лиловый оттенок, становясь издалека похожей на вечернее облако, опустившееся с небес отдохнуть и набраться сил у воды. То цвела наперстянка.

– Я поначалу молча удивлялся, потом спросил: что это ты? А Джудит мне отвечает: они мух отпугивают. Кто-то ей сказал, она и поверила. Раз в неделю сама ходила за цветами, и воду им меняла, и разговаривала с ними. Пока от них была только красота, ей в том проку не было, а раз полезные – это, значит, совсем другое дело.

Хоть мистер Гринвич выразил свою мысль не совсем стройно, гувернантка поняла, что он хочет сказать. «Что ж, весьма практичный подход».

– Третьего дня я возвратился домой уже в сумерках. Я помощник мистера Галлоуби в банке «Галлоуби и сыновья», дел было много и пришлось задержаться... Цветы я увидел через стекло, когда подходил к дому, и сперва решил, что это розы. Подумал, Эффи принесла. А вошел в гостиную – и глазам своим не поверил! Букет красовался на том месте, где Джудит всегда его ставила.

– Бернис и Мэри отрицают, что это дело их рук?

– В том-то и дело! Они в тот день и вовсе к нам не приходили. У Бернис был выходной, а Мэри зубами маялась и ездила к доктору. Миссис Норидж, если бы вы разобрались, я был бы вам очень признателен. Мне все это не дает покоя. Не знаю, что и думать.

– А что вы сделали с цветами? – спросила миссис Норидж.

Мистер Гринвич явственно смутился.

– Да ничего... Попросил Мэри, чтобы меняла им воду... Они пахнут... да и взгляду, так сказать, приятно...

Миссис Норидж постаралась скрыть улыбку. Вдовец не знал, как угодить покойной супруге, но очень старался.

* * *

Прислуга, как выяснила гувернантка, была приходящей.

«У супруги моей характер всегда был не сахар, – объяснил Барри. – Но в последний год стало совсем невесело. Бернис твердила, что ей недоплачивают, а Мэри то и дело жаловалась, что Джудит кричит на нее. Вот обе и уехали – не смогли жить с хозяйкой под одной крышей».

Миссис Норидж сопоставила сорок два года, прожитых четой Гринвич вместе, с вещами в шкафу, чашкой и цветами.

«Хм!» – сказала она себе. Объяснение случившемуся напрашивалось само.

Чтобы проверить свое предположение, вместо ужина гувернантка совершила прогулку до поймы. Путь ее лежал через банк Галлоуби, и вскоре она убедилась, что Барри Гринвичу достаточно было сделать небольшой крюк, чтобы оказаться у реки. Затем неспешная прогулка вверх по склону – и вот он уже на своей улице, где дома из порыжевшего кирпича стоят плечом к плечу.

Сорок два года совместной жизни – не шутка. Каков бы ни был характер супруги, Барри не хватало ее; не в силах смириться с утратой, он создал, сам того не осознавая, иллюзию, что миссис Гринвич по-прежнему с ним, и раз в неделю старательно поддерживал ее, как хороший садовник поддерживает и продлевает цветение розы. Его спасительный самообман был очевиден.

После окончания рабочего дня он спустился к реке, чтобы нарвать цветов, и не кто иной, как он сам, достал чашку супруги из буфета. Конечно, Барри Гринвич выглядел как человек, которому даже цветные сны не снятся, но миссис Норидж знала, что в таких вопросах нельзя доверять впечатлению от внешности.

С этими выводами она заглянула в тот же вечер к модистке.

– Ваш брат слишком долго прожил со своей женой и не готов отпустить ее. Он хочет, чтобы она и после смерти продолжала заботиться о нем...

Гувернантка собиралась продолжить, но осеклась, заметив веселое изумление, отразившееся на курносом лице Эффи.

– Что вы! – Модистка всплеснула руками. – Клянусь вам, единственное, чего хочет Барри, – чтобы Джудит оставила его в покое!

– Вы хотите сказать, он не тоскует по жене? – нахмурилась миссис Норидж.

– Я от вас скрывать не буду: если бы Джудит объявилась, хоть в живом, хоть в призрачном виде, Барри, пожалуй, полез бы в петлю. Характер у него терпеливый, а если сказать точнее, вялый, не чета моему. Но даже его Джудит доводила до белого каления. Все соседи слышали, как они бранились! Она и посуду била, и пиджак его выкинула как-то раз... А то удочки взялась ломать через колено! Колено у нее было будь здоров, толще двух моих, но удилищем ее так хлестнуло по щеке, что шрам остался. – В голосе Эффи, как показалось гувернантке, прозвучало скрытое удовлетворение. – Она потом болтала направо и налево, будто ее Барри стегнул хлыстом. Ну да Джудит здесь хорошо знали, так что веры ее словам не было.

Миссис Норидж спросила, чем же мистер Гринвич так насолил своей жене, чтобы избавляться от его вещей.

– Вожжа ей под хвост попадала, вот и все, – невозмутимо ответила Эффи. – Не верите? Кого хотите спросите! Джудит всегда была взбалмошная! Помню, отмечала она пятидесятилетие. Большой был праздник, и устроено все было по высшему классу, тут я слова плохого не скажу. Барри расщедрился и подарил ей брошь: корзинку с цветами. – Эффи завистливо вздохнула: ее супруг, мелкий клерк, не мог позволить себе такой подарок. – Золотая плетеная корзинка, а в ней ландыши из жемчуга. А на ландышах роса: пять бриллиантов. Ух и красивая! Я-то надеялась, после смерти Джудит она мне достанется...

– Миссис Гринвич завещала ее кому-то другому?

Эффи гневно фыркнула.

В последние годы, когда характер Джудит Гринвич испортился окончательно, она изводила супруга, а тот сносил все терпеливо. Однако иногда Барри проявлял неуступчивость – тем более неожиданную, что камнем преткновения становилась сущая ерунда.

В начале мая, сказала Эффи, Джудит на прогулке сообщила супругу, что на воскресный ужин они приглашены к ее старой подруге, миссис Олсопп, и она дала согласие от имени обоих. Кроме того, Джудит обрадовала мужа, что уже приглядела ей подарок – прелестную пудреницу из слоновой кости. Ему оставалось лишь оплатить ее.

Мистер Гринвич встал как вкопанный. Мистер Гринвич побагровел. Мистер Гринвич объявил, что к злобной старухе Олсопп он готов прийти лишь на похороны, а что касается пудреницы, он ни пенни не даст на чертову кость, даже если слон сам будет умолять его об этом.

Мистер Гринвич даже имел неосторожность объявить, что он проведет воскресный день так, как хочется ему, а не в качестве Трейси-Гилмора-младшего, которого Джудит повсюду таскала с собой подмышкой.

– Трейси-Гилмор-младший – это собачка Джудит, – объяснила Эффи. – Кавалер-кинг-чарльз-спаниель. Дорогуший! Ух! Только он уж помер, бедняга, от ожорства.

Демарш супруга привел миссис Гринвич в ярость. Супруги как раз дошли до реки, где, как всегда в это время, рыбаки вели оживленную торговлю. Миссис Гринвич громогласно обвинила своего мужа в жадности, скупости и скаредности. «Из-за тебя я влачу жалкое, убогое существование!» – кричала она. Мистер Гринвич пытался пойти на попятный, чтобы избежать скандала на глазах у всех.

– Но у Джудит был такой характер – уж если она покатила с горы на саночках, то лоб бы себе расшибла об дерево, а не свернула бы. Она сняла брошь и объявила, что ей ничего не нужно от такого жадюги, как Барри. Поднялась на мост, дошла до середины – да и швырнула ее в воду! Барри говорит, когда вернулась, цвела, точно роза. Аж помолодела! Он, бедный, не знал, куда деваться от стыда. Бернис в это самое время покупала рыбу, она не даст соврать: Джудит вопила так, будто ее обокрали.

– Ваш брат, должно быть, огорчился?

– Еще бы не огорчиться, когда такие деньжищи булькнули на дно! Барри нанял ныряльщиков, но только зря потратился. Уж кто только не пытался достать... Эх!

Эффи обреченно махнула рукой.

Миссис Норидж припомнила, что и впрямь наблюдала пару месяцев назад большую суматоху у переправы. Холодная вода и сильное течение не оставили пловцам ни единого шанса.

– Вот такая она была, наша Джудит, – закончила Эффи с некоторой гордостью. – Барри только того и боится, что она к нему вернется и снова начнет хозяйничать.

Редко когда миссис Норидж бывала так недовольна собой, как уходя в тот вечер из мастерской Эффи Прист. Перепутать страх со скорбью! Барри Гринвич вовсе не желал возвращения супруги, он хотел лишь одного: чтобы прекратились ее посмертные визиты (после беседы с модисткой миссис Норидж окончательно уверилась в том, что именно так он распенился случившееся).

«Что ж, это любопытно. Если не рука мистера Гринвича вытащила чашку из буфета, то чья? И зачем?»

* * *

Бернис Росс и Мэри Плаут не слишком-то обрадовались просьбе хозяина уделить время какой-то гувернантке, но отказаться ни та, ни другая не посмели.

Кухарка оказалась краснолицей широкоплечей особой средних лет; губы ее были плотно сжаты.

Белоручек вроде миссис Норидж Бернис на дух не переносила. Учить отпрысков богатеев всяким глупостям вроде рисования? Нехитрое дело! Да и к чему малевать луг, если можно на этот самый луг выйти да глазами посмотреть? А музыка? Много ли в ней проку! Трям-блям-пям – и больше ничего. Музыкой сыт не будешь, и радости от нее никакой. Песня – дело иное. Песня утешит, когда трезвый, и развеселит, когда пьяный. Уж второе-то Бернис не раз проверяла на себе.

Деткам она дует в попу! Ха! Ты попробуй изо дня в день попотеть на кухне, завтраками-обедами-ужинами потчевать хозяев, слова доброго от них не слышать, свое недополучать, убиваться над грязной посудой, потому как они слишком скупы, чтобы нанять посудомойку, – вот тогда-то мы посмотрим, чего ты стоишь!

Всего этого Бернис, разумеется, не высказала. Но мнение о работе гувернантки явственно читалось в ее глазах.

– Вы помните тот случай, когда чашка с фиалками оказалась на столе?

– А-а, хозяйкина... – Бернис пожала плечами. – Ну да, помню, как не помнить. Хозяин поначалу думал, это я балуюсь. Впрямую он не говорил, видать, боялся, что я ему тогда крысеного яду подсыплю в пудинг. – На губах кухарки мелькнула мрачная улыбка. – Но я-то видела, что он косится на меня! Только я здесь ни при чем, хоть ты меня пытай.

Она замолчала, грызя ноготь. Миссис Норидж видела, что кухаркой овладела какая-то мысль. Наконец, метнув в гувернантку испытующий взгляд, Бернис решилась.

– Я вам вот что скажу, раз уж речь про то зашла. Цветы и чашка – это еще не все! Я кое о чем не стала трепать языком... Зачем, думаю, волновать Гринвича.

Миссис Норидж подняла брови и попросила пояснений.

– В общем, дело было так. На девятый день как похоронили миссис Гринвич стояла я у стола, лук резала, – понизив голос, начала Бернис. – Слезы из глаз текут рекой! Вот же, думаю, хозяйку так не оплакивала, как над луком рыдаю! Всякое между нами бывало, и денег она мне не доплачивала страшно сказать сколько времени, но уж говорить, что Бернис Росс не пролила над ее гробом ни слезинки, никто не посмеет! Стою, значит, заливаюсь слезами, и вдруг вижу... – Кухарка широко раскрыла глаза. – Фигура в дверях! Женщина! Я спрашиваю громко, кого это принесло. Думаю – может, родственница какая! А у самой аж похолодело на

сердце. Проморгалась, глядь – а там и нет никого. Но это еще не все! Стала я эту женщину краем глаза замечать то тут, то там. А третьего дня...

Кухарка вдруг замолчала, прикусила губу и очень медленно обернулась. За спиной ее была стена, и миссис Норидж с интересом ждала, что может увидеть на ней Бернис. Убедившись, что позади никого нет, кухарка, казалось, успокоилась.

– Третьего дня вернулась я с рынка, – приглушенным голосом сказала она. – На рынок тоже мне приходится ходить. Я ж вам говорю: я у Гринвичей и за посудомойку, и за кухарку, и за мальчишку на побегушках, и за все-все-все. Вздумай хозяйка держать свой выезд, я бы у нее была и за конюха, и за кучера, и за грума. Не удивилась бы, если б и в карету меня запрягли!

Миссис Норидж попросила Бернис держаться ближе к делу.

– Куда уж ближе, когда я вернулась с рынка навьюченная, точно мул, – огрызнулась кухарка, – поставила, значит, корзины на пол, стою, дух перевозжу. А в холле – зеркало в полный рост. Ну, вы видали. И вдруг гляжу я: в зеркале позади меня возникла женская фигура. Отражение, понимаете? Только на этот раз ошибиться было уж нельзя. – Бернис подалась вперед и вцепилась в запястье гувернантки ледяными пальцами. – Это была миссис Гринвич, клянусь, видела я ее, как вас сейчас вижу! Меня холодный пот прошиб! Я замерла, обернуться не смею, зубы стучат. А хозяйка покачала головой, вроде как упрекает в чем-то, и исчезла.

Миссис Норидж осторожно высвободила руку.

– Просто исчезла – и все?

– Будто сквозь землю провалилась.

– Вы рассказали об этом мистеру Гринвичу?

Бернис пренебрежительно фыркнула:

– Вот еще! Что толку понапрасну его тревожить? Уж если покойница решила к нам заявляться, ему ее не отговорить.

Миссис Норидж пристально взглянула на кухарку. Врет она – или воображение сыграло с ней шутку?

– Призрак миссис Гринвич не сказал ничего напоследок?

Кухарка задумалась.

– Если я что и слышала, то лишь топот копыт на улице, – проговорила она наконец. – А чтобы голос там или еще что – такого не было, врать не стану.

После Бернис настала очередь служанки.

Мэри Плаут испуганно таранилась на гувернантку. «Зачем еще тебя принесло, – было написано на ее кроличьем лице. – Ничего хорошего от таких, как ты, ждать не приходится».

Нет, призрака миссис Гринвич она не видела, а уж коли увидела бы, так не сидела бы тут, потому что окочилась бы от ужаса. Хозяйка и при жизни наводила на нее страху, а после смерти и подавно. Про чашку и шали она не знает, нет, не спрашивайте, она девушка честная и ничего такого себе не позволила бы...

Тут служанка зарыдала, размазывая слезы по щекам, и миссис Норидж пришлось замолчать. Впрочем, когда Мэри поняла, что никакого впечатления на гувернантку ее слезы не производят, она быстро успокоилась.

– И цветов я не приносила, мэм, зачем бы мне приносить цветы, глупость это, с них лепестки валяются и листья! Что я, дура – работы себе подкидывать! С них нападало, а ты убирай!

– Я знаю, вы аккуратная девушка, – заверила миссис Норидж. – Может быть, вы все-таки открывали шкаф покойной миссис Гринвич? Вы могли подумать, что вашей усопшей хозяйке было бы приятно видеть шали в том виде, в котором они хранились при ней...

Но подсказка не помогла. Мэри отчаянно замотала головой и вцепилась в табурет, словно собиралась отпрыгнуть вместе с ним.

– Ни за что бы я в ее вещи не полезла! Если хотите знать, я в ее комнату ни разочка с тех пор не заходила, и никто не заходил! Только хозяин по доброте душевной сунулся туда, да сразу и выскочил, словно его кипятком ошпарило. Не может он смотреть на Трейси.

– На Трейси? – переспросила миссис Норидж. Она помнила, что Трейси-Гилмором звали собачку миссис Гринвич, но сестра Барри ясно дала понять, что та давно издохла.

– Издохнуть-то он издох, да только на этом ему не дали успокоиться, – несколько туманно выразилась Мэри.

Дальнейшие расспросы показали, что Джудит после смерти питомца вознамерилась набить из него чучело. Ее супруг, искренне любивший веселого дружелюбного песика, пришел в ужас. «Уж он и просил, и требовал, а только хозяйка ни в какую сдаваться не хотела. Говорила, что теперь Трейси всегда будет с ней».

Трейси-Гилмора-младшего поставили на каминную полку, и с тех пор всякий, кто заходил в спальню миссис Гринвич, натывался взглядом на его оскаленную пасть и выпученные стеклянные глаза.

– Уж так мне жалко было его, малюточку... – Служанка снова всхлипнула. – Я даже пыль с полок не могла смахнуть, вот здесь давило – жуть! – Она приложила ладонь к груди. – А хозяйка его в мордочку целовала – я хочу сказать, когда он уже чучелом стал. А живым-то брезговала. Странные дела!

Миссис Норидж тоже полагала, что набивать домашнюю собаку опилками – сущее варварство. Зато теперь ей стало ясно, отчего мистер Гринвич так неохотно заходил в спальню супруги.

– И ведь не выкинешь его! – с неожиданной ожесточенностью заявила Мэри. – Ну как рука поднимется? Закопать бы, да только хозяин сказал, что он и думать пока об этом не может. Надо было в гроб к хозяйке его положить, я считаю, но меня никто не спросил.

– Мэри, у миссис Гринвич под конец жизни проявлялись еще какие-нибудь странности? Служанка задумалась.

– Горло драть хозяйка, положим, всегда любила. Так что это вроде как не в счет. Еще рассеянная стала сильно. Забывала, что куда положила. Бывало, мы с Бернис с ног сбивались, чтобы найти пропажу. Один раз гребень черепаховый сунула в кадку с пальмой, другой раз склянку с духами спрятала в камин – еле отыскали! Хорошо, не успели затопить, иначе плакали бы ее духи. Чем дальше, тем больше было всякого такого. То шляпку потеряет, то золотые часики. Я, честно сказать, все боялась, что она нас с Бернис вот-вот обвинит в чем-нибудь нехорошем. Я, было дело, застала однажды хозяйку в гостинной. Она прятала в пустую вазу свой braslet. Тут я не выдержала и спрашиваю: зачем же вы, миссис Гринвич, это делаете?

Мэри выпятила грудь, словно показывая, как много смелости пришлось ей набраться, чтобы задать этот вопрос.

– А что миссис Гринвич?

– Схватила меня за руку и зашептала, чтобы я говорила тише, потому что кругом одни воры! И головой крутит. Ну, думаю, неровен час – назначат меня воровкой. Слава девице Марии, до этого не дошло! Понимаете теперь? И хозяин, и Берни, и я – все мы знали, что временами на хозяйку находит. Да, немало вещичек она попрятила! Хотя, если начистоту...

Мэри прикусила язык.

– Если начистоту... – вкрадчиво повторила миссис Норидж.

Девушка покраснела.

– Мне кажется, хитрила хозяйка, – выпалила она. – Не всегда! Но случалось. Обманывала нас насчет воря, которое ей повсюду мерещилось. Иногда ей и вправду чудилось плохое, а иногда она развлекалась.

– Вот как! Зачем же?

– Нравилось ей нас гонять! Все с ума сходят, а она сидит в углу и посмеивается.

Следующим человеком, с которым миссис Норидж пожелала встретиться, был доктор Хэддок. Однако об этом визите она ничего не сказала мистеру Гринвичу. Как и о том, что старуха Олсопп распускала по городу слухи, будто Барри Гринвич свел в могилу собственную жену.

До разговоров с гувернанткой Олсопп никогда бы не снизошла, но миссис Норидж поговорила с Энни Батли из поместья Стоуксов, малютка Энни поговорила со своей крестной, а ее крестная – с горничной миссис Олсопп, которой всего пару недель как отказали от места. Две недели – небольшой срок, и обида все еще пылала в сердце горничной ярким пламенем: она пять лет утягивала жирные тела миссис Олсопп в корсеты, укладывала ей волосы и терпела ее придирки, а та возьми да выставь служанку, потому что та, видите ли, слишком стара. «Толстой ведьме нравится срывать зло на молоденьких!» – заявила в бешенстве горничная и рассказала еще кое-что, не догадываясь, что каждое слово будет передано гувернантке.

Миссис Олсопп говорила открыто, что Джудит отравили. А все потому, что ее распутный супруг пожелал закрутить интрижку со служанкой. Бедной Джудит даже пришлось запретить той ночевать в их доме, чтобы уберечь девицу от притязаний ее благоверного!

Теперь миссис Норидж сделалась яснее причина, заставившая Эффи Прист отправить к ней брата. Мастерница шляпных дел не могла рано или поздно не услышать от своих заказчиц, какие слухи ходят по городу.

В этом свете чашка, цветы и шали приобретали куда более зловеющий смысл.

– Мистер Хэддок, простите, если мой вопрос покажется вам неуместным. Но вы уверены, что смерть Джудит Гринвич наступила в силу естественных причин?

Удивленный доктор снял очки, протер, вновь нацепил на нос и уставился на гувернантку.

– Абсолютно уверен, миссис Норидж. Я пользовал ее много лет и даже догадывался, что будет причиной смерти. И отец, и дед Джудит умерли от апоплексического удара, а она определенно пошла в ту родню. Обжорство, малоподвижность... К тому же у нее было больное сердце. После удара ее парализовало на три дня, затем она начала подниматься, но на седьмые сутки случился новый, и его она не пережила. Отчего вас это беспокоит?

– Кое-кто поговаривает, будто бы мистер Гринвич отравил свою супругу.

– В таких городках, как наш, всегда не хватает развлечений, – философски заметил доктор. – Я готов поставить на кон свою репутацию, что Барри тут ни при чем. Его не назовешь самым заботливым из мужей. Но обвинение в гибели жены – очевидная клевета. Вы, я вижу, хмуритесь?

– Я не вправе делиться подробностями, мистер Хэддок, но у меня такое чувство, будто кто-то решил довести Барри Гринвича до самоубийства. Тот, кто хорошо знал Джудит и ее привычки. Я бы заподозрила прислугу, но они с куда большим сочувствием относятся к мистеру Гринвичу, чем к его жене. Говоря начистоту, я не уверена, что они питали к ней хоть малейшую приязнь.

– Что ж, я тоже ее не питал, – сознался доктор. – Она была вздорная неумная женщина, третировавшая домашних. Впрочем, ее муж, кажется, ухитрился сохранять независимость.

– Неплохо бы ему теперь сохранить рассудок, – пробормотала миссис Норидж.

Неторопливо спускаясь по улице, гувернантка размышляла, кто мог желать зла Барри Гринвичу.

Для начала, старуха Олсопп. Разумеется, миссис Гринвич в свое время проболталась подружке, какого мнения о той ее супруг. Ах, женщины так неосторожны! Злопамятная миссис Олсопп могла затаить обиду, и у нее была возможность подстроить все, подкупив служанку

или кухарку. «Однако Гвеннет Олсопп славится чудовищной скупостью. Неужели желание отомстить оказалось сильнее?»

Нельзя сбрасывать со счета и служанок, Мэри с Бернис. Барри Гринвич мог чем-то разгневать одну из них или обеих.

И Мэри, и Бернис сердиты на покойную хозяйку. Служанка убеждена, что та годами развлекалась, заставляя их выполнять нелепые прихоти. Бернис считает, что ей недостаточно платили, взваливая на нее впятеро больше работы, чем полагалось.

В конце концов, есть еще Эффи Прист. Правда, поразмыслив, миссис Норидж вынуждена была признать, что не может изобрести ни одного разумного объяснения, зачем бы шляпной мастерице понадобилось причинять вред своему брату. Она сама отправила его к гувернантке за помощью...

Нет, Эффи ни при чем.

«Кто бы это ни был, его можно поймать за руку лишь тогда, когда он в следующий раз решится на очередной жестокий розыгрыш».

В раздумьях миссис Норидж дошла до особняка Олсоппов и замедлила шаг, увидев цветущие за оградой мальвы. Брови ее поднялись. Мальвы хороши в буколическом пейзаже, а в городе их простодушие превращается в глупость. В них нет ни нежности, ни утонченности. А эти коричнево-серые листья, похожие на полинявшие тряпки! От человека, который сажает мальвы вместо роз, можно ожидать чего угодно.

Если старуха Олсопп подкупила кого-то из служанок, как это доказать?

И что делать с призраком, который видела в зеркале кухарка? Если и призрак – проделка того, кто принес букет, этот человек сильно рисковал: Бернис могла легко раскусить его фокус.

Нет, что-то здесь не так.

Миссис Норидж снова взглянула на мальвы, дернула плечом и пошла прочь.

Дорога привела ее к реке. Сильный ветер и ползущие с севера тучи сделали свое дело: гуляющих почти не было. Лишь на причале, где в воскресный день рыбаки торговали своим уловом, седоусый Паркс в темно-синем ганзейском свитере смолил перевернутую вверх дном старую посудину. Миссис Норидж, живя одна, всегда готовила себе сама, довольствуясь самой простой едой, и свежую рыбу она покупала именно у Паркса.

При виде гувернантки рыбак приподнял кепи и поклонился.

Они обменялись приличествующими случаю соображениями о погоде, но вместо того чтобы отойти, гувернантка неожиданно спросила:

– Скажите, мистер Паркс, вы умеете плавать?

– Утонуть, пожалуй, не утону, – взвешенно ответил старик, рассматривая ее слезящимися светло-голубыми глазами. В речи его отчетливо был слышен корнуэльский акцент. – А вот чтобы плыть – это вряд ли. Бултыхаться буду, как деревяшка. Уж не задумали ли вы утопить меня?

Он хрипло расхохотался собственной шутке.

– Только если вы вздумаете продать мне несвежую рыбу.

Старик крякнул.

– Э-э, нет! Река к нам добра, рыбы вдоволь. – Он суеверно поплевал через левое плечо.

– Добра она не ко всем, – вслух подумала миссис Норидж.

– Это вы о чем? Неужто кто утоп?

– Нет-нет! Мне рассказали, как одна женщина бросила с этого моста драгоценную брошь.

– А-а, так вот почему вы спросили, умею ли я плавать! Небось хотите нанять меня, чтобы я достал вам со дна ту побрякушку?

Рыбак подмигнул, показывая, что говорит не всерьез, и гувернантка невольно улыбнулась.

– Я не совершу такой глупости, мистер Паркс.

– Вот и правильно! А то придется потом искать тех, кто поднимет со дна старого Паркса. А я стою куда меньше той цапки, что зашвырнула туда миссис... как бишь ее?..

– Гринвич.

– Она самая. Память уж не та, что прежде. И золота здесь давно уже нет, его течением снесло. Может даже, в самый океан. Марот такое любит. Она частенько балуется.

Он говорил о реке с ласковой улыбкой, как о лошади или собаке.

– Не-ет, что упало в эти волны, то пропало. Надо же такому в голову взбрести! Выбросить золотую побрякушку!

– И с драгоценными камнями, – напомнила гувернантка.

Старик пощипал белоснежные усы.

– Когда той расфуфыренной даме вожжа попала под хвост, я как раз торговался с ее кухаркой. Вернее, она со мной. У Бернис хватка почище акульей! Уж если сомкнула зубы на твоей ноге, считай, скакать тебе одноногим. Стыдно сказать, но я был благодарен дамочке, решившей проучить мужа. Бернис так устала на нее, что забыла торговаться! – Паркс изумленно покачал головой, пораженный этим фактом больше, чем полетом золотой броши. – Чтобы Бернис да уступила кому-то то, что она считает своим! Странно, что небеса в тот день не опрокинулись.

Миссис Норидж и рыбак одновременно посмотрели на небо.

Гувернантка выразила надежду, что дождя не будет, а мистер Паркс заверил ее, что до завтрашнего утра не упадет ни одной капли, он это с малолетства умеет определять. После чего гувернантка подошла к воде, а старый рыбак вернулся к своему занятию.

Волны набегали на галечные камни. Миссис Норидж огляделась и, убедившись в отсутствии наблюдателей, бросила в воду камешек.

Если бы гувернантка застала кого-нибудь из своих воспитанниц за подобным занятием, бедняжку ждала бы лекция по пристойному поведению. Себя миссис Норидж оправдала тем, что она исследует человеческую природу. Отчего такое удовольствие доставляет нам вид и звук камешка, входящего в соприкосновение с поверхностью реки? Почему даже самая серьезная и вдумчивая личность не способна удержаться, чтобы не швырнуть «блинчик» и не посчитать количество подпрыгиваний?

«Все это должно иметь научное объяснение», – сказала она себе и набрала еще пригоршню гальки.

Буль!

Буль!

Буль!

«Быть может, нам нравится воздействовать на стихию. Самый простой способ изменить реку – бросить в нее камешек».

Гувернантка проводила взглядом плывущую веточку.

– Ай да бросок у вас, – одобрительно заметил рыбак, когда она возвращалась мимо. – Шутка ли – до середины долетел! У миссис-как-ее-там ручки, видать, были слабые: булькнуло под мостом – и все.

Миссис Норидж прошла еще несколько шагов и остановилась.

– Как вы сказали, мистер Паркс?

Догадка блеснула перед ней.

– Булькнуло, говорю. Я слишком поздно повернулся и заметил только круги на воде, а вот Бернис все видела, она как раз на мост смотрела, щурилась от солнца. Так что, ежели хотите подробнее все разузнать, спрашивайте у нее. Она и поторговаться со мной забыла, ну надо же!

Миссис Норидж наконец-то сложила все воедино. Трейси-Гилмор-младший, его хозяйка, желавшая проучить заартачившегося супруга, Бернис, обиженная на семейство Гринвич,

Мэри, которая боялась, что ее обвинят в воровстве... И еще призрак в зеркале! Но главное – мост! Мост, с которого Джудит швырнула брошь.

Конечно, миссис Олсопп ни при чем! Кроме распускания дрянных слухов, но трудно ожидать иного от человека, выращивающего мальвы.

Ах, миссис Гринвич, злую шутку вы сыграли со своим мужем! Но злые шутники рано или поздно получают по заслугам, и вы наказали саму себя.

Рыбак с удивлением уставился на посмеивавшуюся гувернантку.

– Обрадовал я вас, гляжу... – пробормотал он.

– Очень обрадовали, мистер Паркс, – заверила та.

В дверь к Гринвичам постучали. Открыв, Мэри уставилась на миссис Норидж.

– А хозяина еще нету, – растерянно протянула она.

– Мне нужен не он. – Миссис Норидж вошла, развязала ленты накидки и сама повесила ее, тщательно расправив складки. – Где Бернис?

Кухарка отмывала посуду в огромном тазу. При виде гувернантки она скорчила кислую мину.

– Опять я в чем-то виноватая? Сколько ж можно-то, а? – Голос ее звучал уже не жалобно, а грозно. – Долго вы к нам будете ходить? Мне, между прочим, деньги платят не за то, чтобы я с вами языком чесала! Да и денег-то, прости господи!.. Тьфу, смех один! А вы снова выпрашивать будете, выпытывать всякое... Нет уж!

Любой другой человек дрогнул бы под этим натиском, но миссис Норидж придвинула стул и села так, чтобы брызги из таза не летели на платье. Бернис с ожесточением скребла мочалкой.

– Что вы таращитесь? – не выдержала она. – Или у меня рога на лбу выросли?

– Всего лишь хочу узнать, не было ли вам стыдно после вашей проделки.

– Стыдно? А чего я должна стыдиться?

– Вы ведь видели, как волнуется мистер Гринвич.

Бернис дернула носом, но ничего не сказала. Мэри, затаившаяся в углу, издала какое-то слабое восклицание.

– Чашка и шаль не имели к нему отношения, – сказала миссис Норидж, – мы с вами это знаем. Но цветы! О, цветы – это жестоко.

– Слушайте, вы! – повысила голос Бернис. – Что я такого сделала?

– Вы едва не свели вашего хозяина с ума. А ведь мистер Гринвич не причинял вам зла.

– Берни, правда, что ли? – ахнула Мэри, забыв, что собиралась прятаться.

– А ты заткнись, гусыня!

– Не стоит браниться, миссис Росс.

– Тебя не спросила! Сама решу, браниться или нет! – С этими словами Бернис швырнула мочалку в стену. Лицо у нее налилось кровью.

Однако Мэри уже было не остановить. Она осмыслила сказанное миссис Норидж и пришла к единственно возможному выводу.

– Так это все была ты?!

Кухарка молчала, и миссис Норидж ответила за нее:

– Разумеется, это Бернис рылась в шкафу и в буфете, а затем принесла букет наперстянки.

Мистер Гринвич был совершенно прав в своих подозрениях. Очень некрасивый поступок!

Кухарка презрительно дернула плечом.

– Берни, да зачем же ты... – растерянно протянула Мэри, а затем села прямо на пол и разревелась.

– Что ты ревешь, дура?!

– Ох, Берни, Берни, – причитала служанка, раскачиваясь из стороны в стороны. – Ох, плохо-то как! А ведь я на тебя никогда бы не подумала! Я-то считала, ты порядочная женщина, Берни Росс!

От миссис Норидж Бернис готова была обороняться хоть до скончания века, но упреков Мэри она не вынесла. Кастрюля с такой силой ударила о таз, что по кухне пронесся раскат грома, и кухарка вскочила, покраснев как мак.

– Не хотела я для Гринвича ничего плохого! Это все поклеп!

– Может, и не хотели, – согласилась гувернантка. – Но благодаря вашим стараниям у него прибавилось седых волос. Вы прекрасно знали, что творите.

– За это хозяйку надо благодарить! – взвизгнула Бернис. – Она во всем виновата, а вовсе не я!

– Ы-ы-ы-ы! Берни, Берни, что ты наделала!

– Да перестань ты рыдать, гусыня толстозадая! Что ты мне сердце рвешь?!

– Зачем ты обманула хозяина?!

– Встань с пола, кому говорю!

– Ы-ы-ы-ы!

– Что здесь происходит?

Три женщины обернулись к двери и уставились на Барри Гринвича, лицо которого казалось еще более обвислым, чем обычно.

Кухарка скрестила руки на груди с таким видом, что мистер Гринвич решил, что безопаснее будет смотреть на служанку. Мэри вскочила, едва не уронив таз, испуганно икнула и прижалась к стене.

Отвечать пришлось гувернантке.

– Видите ли, мистер Гринвич, мы с вами совершили одну и ту же ошибку, – спокойно сказала она, поднимая мочалку.

– О чем вы говорите?

– Вы стали свидетелем трех странных событий и решили, что они относятся к одному явлению. Я, вслед за вами, рассудила точно так же.

Барри страдальчески поморщился и прижал ладонь ко лбу:

– Простите, миссис Норидж, нельзя ли проще?

– Миссис Росс, может быть, вы расскажете все сами? – обратилась гувернантка к Бернис. – Нет? Что ж, как знаете. Беда в том, мистер Гринвич, что столкнувшись с чем-то непонятным, вы сразу подыскивали подходящее объяснение. Однако если не вовлекать в дело вашу покойную супругу, нам станет ясно, что одежда миссис Гринвич, оказавшаяся в беспорядке, и чашка, выставленная из буфета на стол, говорят лишь об одном: кто-то рылся в ее вещах. Я сразу так и решила. Но потом вы упомянули о цветах, и это изменило всю картину. Мы с вами выстроили в один логический ряд три события. И напрасно.

– Боюсь, я по-прежнему мало что понимаю, – признался Барри.

– А миссис Росс понимает. Блестящая была идея, – обратилась миссис Норидж к кухарке, – и я бы непременно отдала вам должное, если б только она не привела к таким последствиям.

– Не хотела я никаких последствий! – мрачно огрызнулась Бернис.

– Вы просто защищали себя, разумеется. Позвольте объяснить, мистер Гринвич. Сперва миссис Росс обшарила вещи хозяйки. Она не успела вернуть все в исходный вид – ее спугнула Мэри. Еще большей неожиданностью для нее стало то, что вы второй раз заглянули в шкаф. Тогда-то и обнаружился беспорядок. Неудивительно – ведь миссис Росс перетряхнула все шали до единой.

– Но зачем?

– Терпение, мистер Гринвич. Следующей целью миссис Росс стал буфет. Все чашки и блюда были выставлены на стол, но вы вернулись раньше, чем ожидалось, и пришлось все торопливо прятать обратно. Миссис Росс впопыхах вбежала в кухню и притворилась, будто занята стряпней. По чистой случайности единственная забытая чашка оказалась именно той, которую любила ваша супруга.

– Как же так... А цветы...

– В этом и состоит блестящая идея миссис Росс. – Гувернантка отвесила легкий поклон, но кухарка лишь крепче сжала губы. – Она догадалась, на какую мысль навели вас чашка и шали, и решила закрепить успех, чтобы вы не заподозрили ее. Требовалось лишь нарвать букет и поставить в вазу. Проще простого! Зато вы немедленно уверились в том, что все это проделки вашей покойной супруги.

– Но одежда Джудит... – растерянно проговорил Барри. – Она была навалена в точности так же...

– Всего лишь в беспорядке, – мягко поправила миссис Норидж. – Вы сами говорили, что ваша супруга не отличалась аккуратностью. Миссис Росс переворошила вещи – и вы додумали все остальное.

Мужчина изумленно уставился на кухарку.

– Бернис, это правда?

– Так все и было, мистер Гринвич, – ответила за нее миссис Норидж. – А миссис Росс молчит по одной-единственной причине: надеется, что еще не все пропало и ей удастся найти то, что она хочет.

Кухарка разомкнула губы, но лишь затем, чтобы прошипеть что-то про носатую крысу.

– Да что же она искала?

Миссис Норидж удивленно взглянула на Барри Гринвича.

– Брошь с ландышами, разумеется.

– Что? – хором воскликнули Мэри и Гринвич.

– Да ведь это ясно как божий день! Миссис Росс была на причале, когда вы с супругой поссорились, и она единственная видела, что произошло на самом деле.

– Я тоже это видел! – запротестовал Барри.

– Простите, вы думали, что видите. Спутать наперстянку с розами может лишь тот, кого подводит зрение. Ваша супруга бросила с моста камень.

– КАМЕНЬ?!

– Разобрать, что именно упало в воду, с того расстояния, на котором находилась миссис Росс, невозможно. Но утро было солнечное, и это ей помогло. Вы, миссис Росс, догадались о хитрости вашей хозяйки, когда поняли, что *брошь не блеснула в воздухе*. Золото! Бриллианты! Нет-нет, они сверкнули бы ярче солнечных лучей. А раз этого не случилось, значит, в воду упало что-то другое. Например, один из камней, что в изобилии валяются на берегу. Вы поняли, что ваша хозяйка не собиралась избавляться от дорогой вещи. Она лишь хотела поиздеваться над мужем. Вы напрасно тратили деньги на ныряльщиков, мистер Гринвич, – они не нашли бы на дне золотой корзинки, даже если бы рылись в иле до скончания века.

– Бог ты мой... – произнес ошеломленный Барри и сел. – Поверить не могу, что Джудит выкинула эдакий фокус!

Однако весь его вид говорил об обратном.

– Вернувшись домой, ваша супруга спрятала брошь, – продолжала миссис Норидж. – И тут-то случилось то, чего миссис Гринвич никак не ожидала: у нее начисто вылетело из головы, куда она положила украшение. Я знаю, Мэри, вы уверены, что забывчивость вашей хозяйки была чистой воды притворством, но это не так. Ее память и в самом деле ухудшалась с каждым годом.

– Так вот оно что! – изумленно протянула Мэри. – А я-то думаю, что это хозяйка опять в цветочные горшки заглядывает...

– Вы, миссис Росс, сразу заподозрили неладное, еще возле реки. А затем, когда миссис Гринвич начала нервничать, пытаясь что-то отыскать в комнатах, сделали правильный вывод. И тут она скончалась! Вы решили, что брошь станет не слишком большой компенсацией за то, что вам пришлось вытерпеть. Нужно было лишь найти драгоценность.

– Хозяйка была мне должна! – выкрикнула кухарка, не сдержавшись.

– И вы не стали сообщать об этом ее супругу, чтобы исправить ошибку своими руками, – согласилась миссис Норидж. – Когда вы поняли, что мистера Гринвича не на шутку беспокоит случившееся, то решили укрепить его в заблуждении, на ходу выдумав призрак покойной жены. Но вы допустили ошибку. Я спросила, не сказала ли что-нибудь хозяйка, появившись в зеркале за вашей спиной, – и вы задумались. Но ведь, миссис Росс, здесь не над чем размышлять. Призрак либо говорит что-то, либо молчит, не так ли? Однако вам нужно было все взвесить, вот вы и заколебались.

– Бог ты мой! Бернис!

Барри Гринвич потрясенно уставился на кухарку, словно видел впервые. Миссис Норидж сочла нужным выступить в ее защиту:

– Миссис Росс действительно не желала вам зла. Однако она намеревалась и дальше обыскивать дом, поэтому ей необходимо было подстраховаться.

– Подождите... зачем обыскивать?

– Но ведь брошь так и не нашлась. Правда же, миссис Росс?

– Одному дьяволу известно, куда она ее засунула! – взорвалась кухарка. – Уж я везде посмотрела, все перерыла! Нету – хоть ты провалишься! Никому ее не отыскать, не будь я Бернис Росс! Может, старуха и вовсе в придорожную канаву ее кинула! С нее бы стало!

Во взгляде миссис Норидж, брошенной на кухарку, Барри Гринвич, к своему изумлению, прочел нечто вроде сочувствия.

– В шкафу искала, в горшках искала, в посуде искала, ящики все перерыла! – Кухарку уже было не остановить. – Нету ее, нету! Плакали ваши бриллианты и золото, мистер Гринвич!

Негромкое, но выразительное хмыканье заставило ее осесть. Бернис уставилась на миссис Норидж.

– Что это еще за «хм»? Что вы хотите этим сказать?

– Полагаю, я знаю, где она.

– Что-о?

– Вы позволите заглянуть в спальню вашей супруги, мистер Гринвич?

С этими словами гувернантка поднялась и прошествовала мимо ошеломленных хозяина, служанки и кухарки.

– Говорю вам, несносная женщина, я там все обыскала!

Миссис Норидж остановилась в дверях.

– Позвольте заметить, миссис Росс, что вы искали в тех местах, куда спрятали бы брошь *сами*. В то время как руководствоваться нужно было предпочтениями миссис Гринвич. Мистер Гринвич, так вы позволите?..

– Что? Господи, разумеется! Разумеется! – Он вскочил. – Куда нам идти?

– В спальню миссис Гринвич, – терпеливо повторила гувернантка.

– Да-да, прошу за мной.

Три женщины проследовали за ним на второй этаж. Лицо кухарки выражало негодование, лицо Мэри – страх, и только гувернантка была невозмутима. Барри Гринвич не знал, что и думать.

– Мэри, открой...

Скрипнул ключ, дверь распахнулась – и Барри страдальчески поморщился при виде песика, таращившегося с полки.

Кухарка выскочила вперед, уперев руки в бока.

– Ну, и что? Может, хотите паркет перебрать, а? Так я уже все до единой плашки простучала! Думала, есть тайник!

– Бог ты мой, Бернис! – ужаснулся Барри.

– Нет, пусть уж *эта* мне ответит! Дурачит она вас, и больше ничего! Нету здесь броши!

Миссис Норидж аккуратно обогнула кухарку и подошла к полке.

– Вы по-прежнему не понимаете логики вашей хозяйки, мисс Росс.

– А вы, значит, понимаете!

– О да. Позвольте побеспокоить вас, сэр Трейси.

Все усталились на гувернантку, почтительно обращавшуюся к чучелу. Тем временем миссис Норидж сняла чучело с полки, поставила на стол, приподняла длинную волнистую шерстку – и на груди Трейси-Гилмора-младшего блеснула, как медаль, золотая корзинка с жемчугом и бриллиантами.

* * *

Две недели спустя

– Дорогая миссис Норидж, позвольте еще раз выразить вам мою глубочайшую благодарность!

Гувернантка начала несколько уставать от изъявлений признательности, которыми при каждой встрече осыпали ее Барри Гринвич и его сестра. Обыкновенно она ссылалась на неотложные дела, требовавшие ее немедленного присутствия, но сейчас Эффи Прист находилась в комнате самой миссис Норидж и бежать от нее было некуда.

– Присаживайтесь, миссис Прист. Чаю?

– Благодарю вас! Я ненадолго, мне пора возвращаться в ателье.

Эффи поставила на стул круглую коробку, которую принесла с собой, и стала развязывать ленту.

– Вы знаете, что эта ужасная Бернис Росс по-прежнему работает у Барри? Можете себе представить? – Модистка была возмущена до глубины души. – Я бы выставила ее и ославилась на каждом углу, а он вместо этого повысил ей жалованье... Некоторые мужчины – ужасные тюфяки!

– Вашего брата можно понять. Думаю, он испытал невыразимое облегчение, узнав правду.

– Именно так! Он сам говорил, что не мог заставить себя сердиться на Бернис. Но бог с ней! Миссис Норидж... – Маленькое личико Эффи Прист приобрело торжественное выражение. – Надеюсь, вы не откажетесь принять небольшой подарок. От всего сердца!

Она, наконец, справилась с лентой, сняла крышку, и глазам миссис Норидж предстала небольшая черная шляпка с овальной тульей и поднятыми по бокам полями – простая, но исключительно элегантная шляпка, то есть как раз такая, какая подобает респектабельной женщине.

Мастерица вынула ее из коробки, и миссис Норидж увидела, что сбоку творение Эффи украшено небольшим букетом искусственных ландышей.

– Надеюсь, вы не сочтете, что это слишком ярко? – с тревогой спросила Эффи.

– Она очаровательна, миссис Прист. Благодарю вас!

Когда Эффи ушла, миссис Норидж примерила шляпку и наклонила голову, рассматривая свое отражение в зеркале. Она осталась чрезвычайно довольной увиденным.

– Как все-таки мило со стороны мистера Гринвича было купить брошь с ландышами, а не с мальвами!

Ваш ход, миссис Норидж

– Эмма, ты должна знать: я категорически не одобряю затею Шарлотты!

Сообщив об этом, Джейн Марлоу откинулась на спинку дивана. На груди ее чернело ожерелье из гагата. Миссис Марлоу овдовела десять лет назад, но до сих пор носила полутраур. Оттенок «увядающая орхидея» чрезвычайно шел к смуглому полному лицу вдовы с выразительными черными глазами, и миссис Норидж в глубине души полагала, что именно этим, а вовсе не данью памяти покойному мистеру Марлоу, объясняется привязанность ее давней подруги к лиловому цветку.

– Мне не очень-то по душе молодой человек, – продолжала Джейн, понизив голос. – Но в наше время девушки не интересуются мнением матерей, а потому... Ах, дорогая моя! – насмешливо перебила она себя на полуслове. – Верно говорит пословица: старое дребезжит, новое звенит. Не слушай мое дребезжание. Шарлотта влюблена и намерена окружить своего избранника заботой. Будь моя воля, я заперла бы ее дома, но, к счастью, она меня совершенно не слушается. Как ты говорила? «Коровам, детям и собакам нужно уделять поровну внимания»? Временами я жалею, что не завела корову двадцать лет назад, одновременно с рождением Шарлотты. Шортгонскую... у них совсем маленькие рожки, это так мило... Или хайлендскую – я видала их в Шотландии. У них чудесная рыжая шерсть! Я держала бы ее прямо здесь, в гостиной, и расчесывала бы черепаховым гребнем... – прекрасные черные глаза Джейн Марлоу мечтательно затуманились.

Миссис Норидж вернула подругу от коров к менее приятным вещам – таким, например, как нареченный ее дочери.

– Он богат, Джейн?

– Будет богат, если тетка отпишет ему наследство.

– А если нет?

Джейн Марлоу пожала плечами.

– По его словам, он имеет две тысячи фунтов в год. Его тетка владеет поместьем Дастанвиль, что в Хэмпшире. Пять тысяч акров, моя дорогая – это не шутки.

– Кроме него, есть еще наследники?

– Да. Подробности тебе лучше узнать у Шарлотты. Характер у тетки Томаса властный и непростой. Многие вокруг нее ожидают, что она осчастливит в завещании именно их, а тебе известно, как развращает богатых старух подобоострастное поклонение тех, кто от них зависим. Отчего-то именно женщины подвержены этой слабости... Как ты думаешь, почему?

Миссис Норидж наклонилась и заботливо поправила плед, сползший с колен миссис Марлоу. На маленьком столике между ними стоял поднос с чаем и печеньем, а возле него – нюхательная соль.

– Мы поговорим об этом после. А теперь скажи, что надумала Шарлотта? Из твоего письма я поняла, что ее жених болен и она хочет поехать к нему. Не понимаю, чем я могла бы быть полезна.

– Эмма, у меня есть опасения, что Томаса травят, – прервала ее Джейн.

Миссис Норидж внимательно поглядела на подругу. В характере Джейн Марлоу сочетались такие противоречивые черты, как взбалмошность и здравомыслие. С нее и впрямь стало бы поселить корову в гостиную своего прелестного особняка, но нет сомнений, что при этом животному был бы обеспечен надлежащий уход.

– Это очень серьезное заявление, дорогая.

– ...и для него у меня имеются основания. Вот послушай...

По словам Джейн Марлоу, леди Аделиза Бассет, полноправная хозяйка поместья Дастанвиль, готовилась встретить старость в окружении немногочисленных родственников и слуг. Давняя ссора разъединила ее с младшей сестрой, и женщины лишь дважды в год обменивались короткими церемонными письмами. Сестра Аделизы жила с мужем и сыном в Европе, путешествуя из страны в страну. Ее образ жизни, а главное, выбор супруга никак не могли быть одобрены женщиной таких строгих правил, как Аделиза.

Несколько лет назад несчастный случай оборвал жизнь ее младшей сестры. И она, и ее супруг погибли при крушении поезда. Их сыну Томасу было в то время двадцать пять. Возможно, молодой человек остался бы во Франции, если б не письмо, полученное от леди Бассет, в котором та скорбела об их общей утрате и выражала желание познакомиться с единственным племянником.

Так Томас Уилкинсон оказался в Хэмпшире.

Его приветливый нрав, жизнерадостность и учтивость растопили сердце леди Бассет. К тому же она чувствовала вину перед покойной сестрой. Томас быстро сделался ее любимцем, и все вокруг заговорили о том, что появился новый будущий владелец Дастанвиля.

Целый год он прожил в поместье, нисколько не скучая по прежней кочевой жизни, и на исходе этого года отправился погостить у друзей. В то же время Шарлотта Марлоу навещала свою дальнюю родственницу, жившую по соседству. Они с Томасом встретились, полюбили друг друга, и мистер Уилкинсон сделал ей предложение.

– Свадьбу назначили на февраль следующего года, – сказала Джейн, доливая миссис Норидж чай. – Это было в начале июня, то есть... дай посчитать... четыре месяца назад. А два месяца назад Шарлотта получила от Томаса письмо, где он жаловался на нездоровье. Болезнь прошла, но те же симптомы вернулись через три недели. Я говорю об этом с такой точностью, потому что письма с датами позволяют установить хронологию. Доктор, пользующийся леди Бассет, был в замешательстве. Однако лечение помогло, Томас оправился. И вновь оказался в постели в этот понедельник. На этот раз самочувствие его ухудшилось, судя по тому, что он почти не встает.

– Описывает ли он заболевание?

– Боже упаси! Как можно, Эмма! Надеюсь, мы никогда не дойдем до того, чтобы молодой человек мог с вульгарной откровенностью излагать девушке подробности своего состояния.

– Жаль, – заметила миссис Норидж, – это облегчило бы нашу задачу. Но почему ты считаешь, что это отравление?

Миссис Марлоу слегка покраснела.

– У меня нет уверенности. В первый раз я не придавала его болезни значения, второй встревожил меня куда сильнее. Пойми меня правильно: Шарлотта – моя единственная дочь...

– Кого ты подкупила? – без обиняков спросила миссис Норидж.

– Бог ты мой! Как ты могла такое подумать! Никакого подкупа. Но, видишь ли, доктор Эшли, осматривавший больного, водит дружбу с доктором Мосли, а доктор Мосли – давний друг нашей семьи...

– Ты выведала у него, как протекает болезнь?

– Мне пришлось! Мужчины нынче чрезвычайно распухлены. Я боялась, что...

Джейн наклонилась к подруге и шепотом объяснила, какого рода опасения преследовали ее, когда она узнала о повторяющихся приступах у мистера Уилкинсона.

– Доктор Мосли успокоил меня. По его словам, бедный Томас страдал от головокружения, слабости и, прости за подробности, тошноты.

– Такая картина часто бывает при несварении желудка, Джейн.

– Именно потому я и прошу тебя о помощи. – Миссис Марлоу в волнении прижала ладони к щекам. – Как я уже сказала, несколько дней назад Томас опять оказался прикован к

постели. На этот раз Шарлотта твердо намерена сама ухаживать за ним, как и подобает любящей невесте.

– Как на это смотрит его тетя?

– Я получила от нее письмо с официальным приглашением погостить в Дастанвиле. Мое здоровье, как ты понимаешь, не позволяет мне ехать... – Джейн грустно улыбнулась и бросила взгляд на флакончик нюхательных солей. – Иначе я была бы там вместе со своей дочерью. Что, если мои опасения не беспочвенны? Эмма, я боюсь, этот молодой человек оказался в паучьем гнезде, где многие мечтают сжить его со света. Тетка благоволит ему. У нее есть родной брат, который младше леди Бассет на пятнадцать лет. Неужели он не принял бы мер, чтобы избавиться от нового любимца сестры?

– Осторожнее, Джейн, – спокойно сказала миссис Норидж. – Ты обвиняешь незнакомого человека без малейших оснований.

– Ах, ты права. – Миссис Марлоу со вздохом вновь откинулась на подушки. – Странно устроены люди! Обожают злословие, но терпеть не могут злословящих. Шарлотта не может ехать к леди Бассет одна, это непозволительно, с какой стороны ни посмотри. Ее тетки готовы составить ей компанию. Но мне бы хотелось, чтобы там был человек, способный разобраться в происходящем.

Миссис Норидж задумалась.

– Ты сказала Шарлотте, что я буду сопровождать ее?

– Она надеется на твое согласие, как и я. Эмма, одна неделя – больше я не прошу. Если ты сочтешь, что в Дастанвиле и в самом деле что-то нечисто, я придумаю, как защитить Шарлотту. Но мне нужно знать наверняка.

* * *

– Миссис Норидж и мисс Марлоу! – провозгласил дворецкий.

Вся прислуга выстроилась в ряд перед величественным старым помещением, чтобы встретить гостей. Накрахмаленные кружевные фартуки и чепцы ослепляли белизной. Дворецкий с пышными бакенбардами, похожий на короля в изгнании, выступил вперед, и Шарлотта, смущенная торжественным приемом, придвинулась ближе к гувернантке.

Леди Бассет прислала за ними на станцию карету – французский дормез, гигантский и тяжелый, в котором, при необходимости, можно было пересечь всю страну. Вместо шестерки лошадей его тащили два вороных шайра. Таких исполинских лошадей миссис Норидж не доводилось видеть: каждый в холке выше нее, а мускулистые спины, казалось, созданы, чтобы носить великанов.

Послышался негромкий скрип, и на крыльцо выехала старуха в инвалидном кресле.

– Добро пожаловать в Дастанвиль!

Леди Бассет, несомненно, была старухой, несмотря на то, что ей не исполнилось еще и шестидесяти. Глаза под набрякшими веками смотрели с брезгливой усталостью, свойственной старикам. Однако голос оставался властен и зычен, в чем две гостьи впоследствии имели возможность не раз убедиться, а зрение Аделизы Бассет позволяло ей заметить даже неаккуратную штопку на белье под платьем горничной.

Ее чепец украшало роскошное черное бельгийское кружево, которое более пристало бы невесте, нежели старухе, если б не его цвет; чрезвычайно пышную широкую юбку, которой хватило бы на два платья, то и дело поправляла камеристка, следя, чтобы складки не попали под колеса кресла. На коленях лежал молитвенник.

Гувернантка заметила, что хозяйка предпочитает передвигать кресло усилиями собственных рук, лишь изредка прибегая к посторонней помощи. Для перемещения по лестницам

в холле денно и ночью дежурил слуга, напомнивший миссис Норидж одного из тех могучих коней, что были запряжены в карету.

– Счастлива познакомиться, – произнесла леди Аделиза, окидывая критическим взглядом скромное платье миссис Норидж. – Надеюсь, комната вам понравится. Обед будет подан через час.

– А где Томас? – встревоженно спросила Шарлотта. – Отчего он не встречает меня?

Не успела хозяйка ответить, как предмет переживаний Шарлотты сам показался на лестнице.

Томас ступал нетвердо, но лицо его было освещено радостью. Его облику была присуща молодость: он выглядел едва ли старше Шарлотты. Даже недуг не мог омрачить его природной жизнерадостности. Томас не был высок, но его грациозность и изящество движений искупали этот недостаток.

Он поцеловал руку невесте, обнял тетюшку, а когда его представили миссис Норидж, выразил сожаление, что не был знаком с крестной Шарлотты прежде. Миссис Норидж про себя заключила, что юноша напоминает щенка бульдога: мил, но утомителен. Оставшись одна, она вздохнула с облегчением.

Из окна ее комнаты открывался вид на холмы. Зеленые покровы и необъятный простор, на котором паслись стада, тешили бы взор, однако темные, рваные, быстро проносящиеся облака вносили ноту тревоги в безмятежный ландшафт. Под окнами был разбит сад. Романтической и естественности здесь не было места. Центральную часть сада занимали тщательно постриженные шары и кубы, в которые прихоть владелицы и рука садовника превратила самшиты и туи; их обрамляла живая изгородь.

В дверь постучали. Пожилая горничная, тяжело ступая, внесла графин с водой и сообщила, что миссис Норидж ждут в обеденном зале.

– Кто будет еще? – спросила гувернантка.

– Обыкновенно присутствуют мистер Уилкинсон, мистер Ричардс... и Дженкинс, мэм, – церемонно отвечала служанка.

Гувернантке показалось, что перед третьим именем была пауза, заполненная молчаливым неодобрением. Она поблагодарила и попросила передать, что вскоре спустится.

За обедом Томас почти ничего не ел. Он лишь отпил немного вина и согласился отведать кусочек бисквита.

В отличие от племянника, Эммет Ричардс, брат хозяйки, не отказывал себе ни в бургундском вине, ни в свином окороке, от которого слуга, повинувшись его жесту, отрезал раз за разом все большие и большие куски.

Наблюдая, как брату наполняют бокал, леди Бассет процитировала:

– Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище.

– Не имею ничего против сонливости, – возразил тот. – Крепкий сон идет на пользу организму. Спроси хоть Томаса. Он целыми днями только и делает, что спит.

Эммет Ричардс оказался сухим подтянутым человеком сорока с небольшим лет. Высокий лоб и римский нос придавали бы ему вид мыслителя, однако впечатление портили впалые щеки и безвольный рот. Кожа его имела не совсем здоровый желтоватый оттенок, что объяснялось многочисленными путешествиями, в которых он провел не один год. Индия, Аравия и Занзибар, путешествие в глубь восточной Африки – о, мистеру Ричардсу было что поведать восхищенно внимавшей публике! Шарлотта, затаив дыхание, слушала его рассказ об экспедиции по Уньямвези, в которой он и его помощник подхватили жесточайшую малярию.

– Трое моих слуг умерло, а у нас даже не было сил, чтобы похоронить тела. О, простите, мисс Марлоу, я не хотел вас огорчить!

– Нет-нет, мистер Ричардс, прошу вас, продолжайте!

– Если бы не арабские купцы, которых мы встретили в Таборе, самом большом городе Уньямвези, мне не довелось бы увидеть родные края. Смесь хинина, алоэ и опиума, которую они дали, спасла нас. Нам пришлось принимать ее месяц, чтобы излечиться от малярии, и даже после этого я полгода чувствовал ужасающую слабость. Она препятствовала всем моим дальнейшим начинаниям.

– Я слышала, опиум в больших дозах может вызывать привыкание, – заметила миссис Норидж.

– Увы, я на собственном опыте убедился в этом. Вернее, на опыте моего помощника. Бедный Крайтон сделался жертвой опиума. Он отказался возвращаться со мной и остался в Таборе, где местные поставляли ему наркотик. А ведь это был выдающийся ум! Мир грез оказался для него привлекательнее реальности. Я надеялся, что он вместе со мной приступит к исследованию Танганьики, этого гигантского озера, которое до нас не видел ни один европеец, но после погружения в волшебные сны ни одно озеро не могло его заинтересовать.

– Что же, вы отправились на Танганьiku в одиночестве? – спросила Шарлотта.

Эммет развел руками:

– Выбора не было. Правда, я был так слаб, что самостоятельно смог составить карту лишь его восточного берега. В остальном мне пришлось положиться на описания местных вождей. Не уверен, что они были точны. Это до сих пор угнетает меня... Я вернулся, не исполнив до конца своей миссии.

– Как вы можете так говорить! – Шарлотта всплеснула руками. – Ах, Томас, отчего ты не рассказывал прежде, что твой дядя – великий исследователь!

Эммет запротестовал против эпитета «великий», хоть и не слишком рьяно.

– Я знал, что описание Танганьики полностью затмит мою скромную персону, – шутливо сказал Томас.

Миссис Норидж заметила, что хозяйка отчего-то сердита, несмотря на чрезвычайную увлекательность повествования. Очевидно, Эммет не впервые выступал с этой историей и успел надоесть леди Бассет. Старуха слушала, с трудом скрывая нетерпение, и наконец, раздраженно махнув рукой, покинула обеденный зал в сопровождении молчаливой компаньонки.

Позже открылась и другая причина.

Утренней прогулке миссис Норидж помешал ливень. Шарлотта читала вслух Томасу, которого приступ слабости вновь лишил сил, и гувернантка спустилась в гостиную.

Аделиза Бассет сидела с раскрытым молитвенником возле окна. Компаньонка молча вышивала.

Гувернантка, извинившись, хотела уйти, но старуха остановила ее.

– Вы умеете играть в шахматы, миссис Норидж? Не составите ли мне компанию?

– С удовольствием, леди Бассет, но я слабый игрок.

– Это не важно! Дженкинс не умеет играть и не способна научиться. – Аделиза кивнула на компаньонку.

Та в ответ лишь сладко улыбнулась и молча открыла коробку для рукоделия, намереваясь убрать вышивку.

– Ты не понадобишься, – резко сказала старуха. – Миссис Норидж поможет мне добраться до кабинета.

Дженкинс бросила на миссис Норидж взгляд, полный ярости. Взмах ресниц притушил гнев в ее глазах, и компаньонка вновь превратилась в безобидную старую деву, лишь слегка обиженную несправедливостью хозяйки.

Метаморфоза была едва уловима. Миссис Норидж решила, что ей почудилось. Но в следующую секунду острая игла вонзилась в глаз павлина, которого вышивала Дженкинс, и красный стежок разрезал зрачок ни в чем не повинной птицы.

Комната, которую леди Бассет назвала кабинетом, оказалась небольшим, богато убраным помещением. В книжном шкафу миссис Норидж разглядела переписку архиепископа Кранмера с епископом Глочестерским, «Книгу общих молитв» и «Англиканский катехизис».

Как и все остальные, эта комната была обставлена со старомодной роскошью. Казалось, здесь ничего не изменилось за последние сто лет. Единственной уступкой прогрессу было газовое освещение; миссис Норидж подозревала, что Эммету Ричардсу стоило большого труда уговорить сестру на это «новшество».

Хозяйка, отперев ящик секретера, достала коробку и водрузила на круглый резной столик. Деревянная коробка была украшена вставками из слоновой кости, потемневшими от времени. Затем на свет появилась раскладная доска, и тут миссис Норидж не смогла сдержать восхищенного восклицания: это было произведение искусства. Квадраты из янтаря разных оттенков создавали поистине гармоничную игру цвета.

– Читали ли вы Филидора, «Анализ игры в шахматы»? – осведомилась леди Бассет, расставляя фигуры.

– Боюсь, что нет.

– Увлекательнейшая книга! Рекомендую. Какими вы предпочитаете? Черными или белыми?

– Белыми.

Серебряные и золотые громоздкие фигурки, должно быть, стоили целое состояние. Короны ферзей были увенчаны длинными зубцами, острыми, как иглы, и, выдвигая свою пешку на е4, гувернантка уколола запястье, случайно дотронувшись до одного из них.

– Их давно следует отдать мастеру. – Леди Бассет протянула ей платок. – Но у меня не поднимается рука менять что-то в вещах с такой историей. Любое вмешательство кажется кощунственным.

Черная пешка выдвинулась на е5.

– Должно быть, этот подарок привез вам брат из путешествия? – предположила миссис Норидж.

Она намеревалась сказать хозяйке дома приятное, но вышло иначе. Леди Бассет гневно вспыхнула.

– Нет никакой связи между моими шахматами и... – Губы ее брезгливо сморщились, словно она не могла подобрать достаточно уничижительное слово. – И греховными развлечениями моего брата. Ни в коем случае.

– Вы не одобряете исследование мира?

– Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим. К чему изучение чужих стран, если не знаешь своей собственной жизни? Здесь есть все, что нужно человеку, чтобы совершить путь в глубины своей души!

Леди Бассет указала на книжный шкаф.

– Мой покойный муж был из той же породы, что Эммет. Он много путешествовал по Африке, Южной Америке... Но что в том проку, если ни одного безбожника не обратил он к вере!

Миссис Норидж предположила, что сэр Бассет не был миссионером, однако прокладывал для них путь.

– Удовлетворение жадного любопытства – и ничего более! – отрезала старуха. – А что есть любопытство как не духовное воровство? Ведь эти знания не принадлежат нам по праву. Разве Господь, поместив нас так далеко от Африки, не дал нам понять, что ограждает нас от ненужных знаний? Испорченность, миссис Норидж, да, именно испорченность гнала моего супруга навстречу его приключениям. Он не в силах был отыскать Господа в своей душе и совершил бесчестную подмену.

Миссис Норидж удивленно взглянула на старуху. Она никак не ожидала, что имеет дело с фанатичкой. Теперь ей стало яснее, отчего вчерашний рассказ Эммета Роджерса вызвал раздражение хозяйки.

Она выдвинула слона на b5 и стала ждать хода своей соперницы.

Миссис Норидж полагала, что без причины ничего не произрастает. Всякому цветку нужна своя почва. Как леди Бассет пришла к таким странным взглядам?

Ответ на этот вопрос дал ей жених Шарлотты.

Томас Уилкинсон был словоохотлив. Пока миссис Норидж подменяла Шарлотту у постели больного, он рассказал ей о своей семье.

– Ричардсы – небогатый род. Никто из моих предков не носил титулов, но стыдиться мне нечего: ни один не запятнал себя бесчестьем и не наживался на чужой беде. Мой дед, Десмонд Ричардс, был скромный священник, который постарался дать своим детям хорошее образование. Тетя Аделиза – его старшая дочь, Маргарет, моя мать – средняя. Дядя Эммет – самый младший, поздний ребенок. Жена Десмонда родила его в сорок лет и скончалась.

Видели ли вы портреты в галерее? Тетушка в молодости была красавицей. Аделиза вышла замуж за сэра Кросби Бассета, баронета. Для нее это было удачное замужество, как вы и сами можете видеть. – Томас обвел рукой все, что окружало его и миссис Норидж. – Сэр Бассет был без ума от Аделизы, но, конечно, этот брак не одобрили его родственники. Все полагали, что он выберет ровню. Бассеты ведут свой род от Аделизы де Дастанвиль, ее сыновья получили свои владения из рук самого Ричарда Львиное Сердце. Мне кажется, совпадение имен сыграло с тетужкой злую шутку: со временем она утвердилась в мысли, что это она – потомок Аделизы де Дастанвиль.

– В самом деле?

– Боюсь, что так. Тетушка всерьез рассуждает о корнях и величии своего рода, хотя ее отец был священником, дед торговал рыбой, а прадед занимался китобойным промыслом. Моя мать вышла замуж за Трипа Уилкинсона, и тетужка не могла ей этого простить. «Как можно было связать свою судьбу с человеком по имени Уилкинсон!»

– Однако вы – Уилкинсон, и вы в ее доме, – заметила миссис Норидж.

Томас рассмеялся.

– Я указывал тетужке на эту несообразность. Она ответила, по своему обыкновению, какой-то цитатой из Священного писания. – Он прервался, попросив миссис Норидж налить ему воды. – Сэр Кросби Бассет, ее муж, был путешественником и исследователем... Выдающийся человек! Знал пятнадцать языков, можете себе представить? Мне жаль, что я не был с ним знаком. Но даже чувства к молодой супруге не могли заставить его остаться дома. Когда Аделиза носила под сердцем его ребенка, он покинул ее в очередной раз, несмотря на все мольбы, однако вернуться к рождению сына не успел, хотя обещал. Тетушка потеряла ребенка, к тому же последствия неудачного разрешения от бремени дали себя знать: сперва она охромела, а затем оказалась прикована к инвалидному креслу. Вину за это она возлагает на супруга. Он скончался пять лет спустя – поранился в одной из своих поездок и умер от заражения крови. Тетушка так и не простила его.

Миссис Норидж мысленно сказала себе, что Томас Уилкинсон легко распоряжается чужой тайной. Если леди Бассет и не делала секрета из событий своей жизни, вряд ли она была бы рада, узнав, что они становятся известны любому, кто проявит интерес.

– Я не был бы с вами так откровенен, не будь вы крестной Шарлотты, – поспешил оправдаться Томас, словно угадав ее мысли. – Она бесконечно вам доверяет.

Указательным пальцем он побарабанил по покрывалу.

Миссис Норидж обратила внимание на эту привычку еще вчера. Томас имел обыкновенное время от времени выстукивать что-то пальцем по поверхности. Это выглядело как обучение буквенной азбуке Сэмюэля Морзе, однако носило явно безотчетный характер.

Навязчивые движения – частый порок детей, и миссис Норидж успешно боролась с дурной привычкой у своих воспитанников. Но в движениях Томаса Уилкинсона ей почудилось что-то судорожное.

– Другого человека эти испытания ожесточили бы, – меж тем говорил Томас. – Но тетя Аделиза суровее на словах, чем на деле. При Дастанвиле доживают свой век все старые слуги, никому из них не отказано в заботе. Или взять Дженкинс...

Миссис Норидж живо заинтересовалась фигурой компаньонки.

Но тут выяснилось неожиданное. Компаньонкой Дженкинс вовсе не была.

О ее происхождении никто из слуг не говорил. Волею судеб она оказалась в Дастанвиле, когда Аделиза оплакивала потерю сына. Дженкинс утешала ее, и само собой вышло так, что она осталась с леди Бассет. У нее не было ни родных, ни друзей, ни средств к существованию. Жизнь ее целиком и полностью зависела от воли хозяйки.

– Так она приживалка! – воскликнула миссис Норидж.

Томас кивнул.

– Мне доводилось слышать, будто Дженкинс – дочка местного аптекаря. Он умер рано, и тетюшка приютила его дочь. Аптека сгорела, девушка осталась без гроша за душой... Когда-то тетюшка обещала Дженкинс, что весь Дастанвиль достанется ей.

Гувернантка изумленно взглянула на юношу.

– Это так, – кивнул Томас. – Они были подругами. Тетюшка любит поддразнивать ее: то обещает, что отпишет ей половину поместья, то уверяет, что после ее смерти Дженкинс останется без гроша.

– Что же та отвечает на угрозы?

Томас беззаботно рассмеялся.

– О, Дженкинс – добрейшая душа! Она предана тете Аделизе, как собака.

«Но если вы будете без конца шпынять собаку, она либо сдохнет, либо озлобится», – сказала себе миссис Норидж.

«Доктор Хэддок, не встречались ли вы с таким последствием длительного отравления, как неконтролируемые движения пациента? Я не имею в виду тяжелые судороги в бессознательном состоянии. Предмет моего интереса выглядит как произвольные постукивания пальцами; это постукивание не объясняется погруженностью в свои мысли или глубоким сосредоточением на какой-либо идее, поскольку проявляется как во время разговора, так и вне его...»

Миссис Норидж, не дописав строки, порвала письмо и сожгла обрывки. Не стоит тревожить доброго доктора раньше времени.

Когда болезнь усадила леди Бассет в кресло, к первому этажу было пристроено длинное крыло, чтобы хозяйка могла в любое время без чужой помощи оказаться и в гостиной, и в оранжерее, и в библиотеке. В дальнем углу этого крыла располагался и кабинет, где накануне была сыграна шахматная партия, которую леди Бассет выиграла.

Миссис Норидж поднялась по лестнице на второй этаж. Рыцарские доспехи тускло поблескивали в приглушенном свете, от тяжелых портьер исходил аромат фиалкового корня – горьковатый, землистый. Горничные знали свое дело и вовремя меняли саше, чтобы благоухание радовало хозяйку. Коридор закончился просторной комнатой. Дверь была открыта, и гувернантка вошла.

Удивительное зрелище предстало ее глазам!

Она оказалась не в комнате, а в небольшой зале, превращенной в музей. Между двух колонн, подпиравших сферу потолка, висело вертикально поставленное чучело крокодила, чья шкура напоминала рыцарскую броню. Головы львов, носорогов и антилоп были развешаны по стенам, а между ними висели длинные копья, ножны, сабли разнообразных форм и деревянные лук со стрелами, расположенными веером.

Огромный стол был засыпан ворохом карт, прижатых черепом носорога. Напольный глобус с белыми пятнами испещряли надписи – по-видимому, сделанные рукой владельца этого странного кабинета-музея.

Внимание миссис Норидж привлек застекленный шкаф с пробирками. Темно-зеленые, желтые, стоящие тесно, словно в аптеке... Она подошла ближе, пытаясь прочесть надписи, но это была какая-то тарабарщина. Гувернантка потянула на себя дверцу – та приоткрылась легко, и в нос миссис Норидж ударил резкий острый запах.

– Бог мой, что вы делаете!

Эммет Ричардс, выскочивший, как чертик из табакерки, кинулся к ней, размахивая руками.

– Не трогайте! Оставьте!

Он оттолкнул ее от шкафа, захлопнул дверцу и запер на три оборота ключом, который возник у него в руках как по волшебству.

Миссис Норидж сказала, удивленно подняв бровь, что и не думала ничего трогать. Однако мистер Ричардс не мог успокоиться.

– Это коллекция ядов! Я собирал их во всех своих странствиях. Здесь есть сухие травы, одна щепотка которых может быть губительна для человека! Капли, в которые охотники племени интурайю окунают стрелы, прежде чем идти на льва, и этого количества на кончике палочки хватает, чтобы ослепить чудовище. Опаснейшее вещество! Шаманы интурайю извлекают его из растения, место произрастания которого держится в большой тайне.

Миссис Норидж предположила, что хранить яды в открытом шкафу, в незапертой комнате может быть рискованно. Ее собеседник напыжился.

– Я всегда запираю эту комнату! Всегда! Сюда не может проникнуть посторонний!

– Вы полагаете, я призрак, мистер Ричардс?

– Должно быть, я забыл запереться на ключ, но это исключительный случай! Никто, никто не смеет заходить сюда. Это мое святилище. Я столько лет собирал эти предметы, привозил из своих поездок. – Эммет восторженно обвел рукой стены. – Больше всего я боюсь, что с этой комнатой случится то же, что с кабинетом моего несчастного зятя. Вы знаете, что после его смерти Аделиза все сожгла? Да-да, все! До единого предмета! Кросби написал книгу, но даже ее Аделиза не пожалела. Вдумайтесь! Она прочла ее – и уничтожила плоды всей его жизни. Но я не позволю ей избавиться от моих достижений! Нет, не позволю!

Пыл Эммета показался миссис Норидж несколько преувеличенным. Мистер Ричардс как будто убеждал самого себя в грозящей ему страшной опасности.

Она, наконец, обнаружила, откуда хозяин кабинета появился так неожиданно. За одной из колонн пряталась небольшая дверь, выкрашенная в цвет стен. Миссис Норидж, обладавшая превосходным зрением, разглядела за ней совершенно обычную маленькую комнату: стол, кушетка, окно, распахнутая книга на столе и тетрадь. В отличие от зала, где они находились, там не было ни черепов, ни стрел. Похоже, и великому путешественнику требовалось иногда отдохнуть от воспоминаний о своих приключениях.

Переведя взгляд на хозяина необычного музея, миссис Норидж заметила, что из-под его рубашки выбился медальон-локет. Сквозь стеклянную крышку просвечивала прядь золотых волос, завязанных бантом, с крошечной жемчужиной в середине. Жемчужину оттенял своей чернотой небольшой гагат, которому искусный резчик придал форму черепа.

Заметив ее интерес, мистер Ричардс вздрогнул и поспешно спрятал украшение.

– Где находился кабинет сэра Бассета? – вежливо поинтересовалась гувернантка, чтобы отвлечь его.

– Здесь! Кабинет, лаборатория – он ведь ставил опыты как химик-любитель – и даже его зоопарк.

– Сэр Кросби Бассет держал животных?

– Сказать по правде, всего одно. Из Африки он привез шимпанзе. Моя сестра его терпеть не могла. Это была наглая, крикливая обезьяна, хоть и обладавшая известным обаянием. Он прожил у нас довольно долго... Между прочим, умел пользоваться ножом и вилкой. Кросби называл его Лу. Шимпанзе так любил хозяина, что после его смерти издох в мучениях.

«До чего чувствительное животное», – подумала миссис Норидж.

Запах из шкафчика не давал покоя. Он определенно был ей знаком, но откуда?

К вечеру дождь закончился, и миссис Норидж с Шарлоттой вышли в сад. Заметив, что ее жених наблюдает за ними из окна, девушка помахала ему.

– Для мистера Уилкинсона куда полезнее прогуляться, чем оставаться в комнате, – заметила миссис Норидж.

– Если бы Томас вышел на прогулку, то показал бы, что чувствует себя не так уж плохо. Тогда ему было бы сложнее принимать мою заботу, – с лукавой улыбкой возразила Шарлотта. – Я люблю его всем сердцем, миссис Норидж! Но это не мешает мне видеть, что Томас извлекает небольшую выгоду из своего положения. Кто станет его осуждать!

На крыльцо вышла, кутаясь в шаль, Дженкинс. Ее бледное лицо было обращено к холмам, но миссис Норидж не сомневалась, что приживалка наблюдает за ними.

Шарлотта поежилась.

– Меня пугает эта женщина, – тихо сказала она, словно та, о ком шла речь, могла услышать ее. – Под ее молчаливой услужливостью может скрываться все, что угодно.

– Вам доводилось общаться с ней раньше?

– Лишь светская беседа, не более. Мне чудится, что от нее исходит враждебность. Если она рассчитывает на наследство, Томас – ее соперник.

Миссис Норидж окинула взглядом безупречно выстриженные кусты.

– Значит, потенциальных претендентов на деньги хозяйки поместья трое: ваш жених, мистер Ричардс и Дженкинс.

Шарлотта помолчала, кусая губы. В ее темных, как у матери, глазах была встревоженность.

– Есть еще кое-кто, миссис Норидж. Аделиза очень ценит своего дворецкого, Майлса...

– Настолько, чтобы завещать ему поместье? – усомнилась гувернантка.

– Нет, конечно, нет! Но прежде все были уверены, что основное наследство будет поделено между ними тремя – конечно, с учетом выплат старым преданным слугам. А когда появился Томас...

Миссис Норидж представила, какую бурю поднял своим появлением этот юноша. Существование Дастанвиля, погруженного в прошлое, было так мирно, так незыблемо...

– Все изменилось с его приездом, – в унисон ее мыслям проговорила Шарлотта. – Ах, миссис Норидж, мне не нужны ее деньги. Конечно, восхитительно быть богатой! И я не смогла бы полюбить бедняка, не стану кривить душой. Но Дастанвиль – точно корабль, который выплыл из прошлого. Мне кажется, на того, кто заберет отсюда хоть что-то, падет проклятие, и он навсегда останется пленником этого места.

Луч вечернего солнца пробился сквозь тучи и осветил сад.

– Далеко не худшего места на земле, – с улыбкой сказала миссис Норидж.

Шарлотта встряхнула головой и улыбнулась.

– Вы правы. Простите! Мне следовало сегодня вставать и ходить каждые два часа... Кажется, этому вы учите своих воспитанников? А вместо этого я целый день провела в кресле, с книгой на коленях.

– Постоянное, ежедневное движение – одна из самых полезных привычек, которые может и должен приобрести человек с раннего детства. Три часа прогулки избавляют от хандры, четыре – от упадочных мыслей.

– А пять?

– Пять – от мыслей вообще.

Шарлотта вновь не удержалась от смеха.

– Вы смеетесь, моя дорогая, однако я знаю людей, для которых было бы исключительно полезно воздерживаться от всяких размышлений! – нравоучительно заметила миссис Норидж.

– Должно быть, вы опять сегодня станете играть в шахматы с тетушкой Аделизой? – спросила девушка. – Она все время вас обыгрывает!

– Что ж, это закономерно. Леди Бассет – сильный противник.

– Она могла бы и поддаться вам! Разве не в этом ее долг как хозяйки? А эти шахматы! Они очень красивы, но слишком... слишком великолепны! Им место в музее.

– Леди Бассет питает пристрастие к старым вещам. Вы обратили внимание, какое средство передвижения она использует? Бат-кресло – изобретение, если не ошибаюсь, еще Джона Доусона. Конец прошлого века. В него можно запрягать осликов или мулов, чтобы ездить на свежем воздухе... очень удобно! Я полагаю, – задумчиво продолжала миссис Норидж, – недалекий тот день, когда коляски для инвалидов, а может, и для младенцев станут оснащаться надувными резиновыми шинами.

– Как велосипеды?

– Именно. Удивительное изобретение, и очень полезное, на мой взгляд. Не пройдет и десяти лет, как они будут повсюду, помяните мое слово.

– Но даже тогда леди Бассет не обменяет свое кресло на новое!

Дженкинс незаметно исчезла, а ее место занял Эммет Ричардс. Теперь он наблюдал за двумя женщинами, притворяясь, будто любит закатом.

– Вы видели кабинет мистера Ричардса? – спросила Шарлотта. – Я оказалась там, когда приехала сюда в первый раз. Какое чудовище – носорог! А львиная грива! Она восхитительна. Большим бесстрашием должен обладать человек, выходящий против него с одним копьем, как это делают... Мистер Ричардс рассказывал мне о них, но я позабыла название... Туземцы одной из этих диких африканских стран.

– Мистер Ричардс сам показал вам кабинет?

– Нет, я набрела на него случайно, когда осматривала дом.

Миссис Норидж остановилась и пристально взглянула на девушку.

– Что такое? – растерялась Шарлотта. – Леди Бассет позволила мне познакомиться с домом...

– Нет-нет, моя дорогая, дело не в этом. Вы хотите сказать, кабинет не был заперт?

– Дверь была распахнута настежь, иначе я не осмелилась бы войти.

– Хм!

«А вы еще уверяли меня, мистер Ричардс, что сегодняшний случай был исключением!»

Во всяком случае, Эммет не солгал насчет шимпанзе. Разговорившись со старой горничной, миссис Норидж узнала, что обезьяна действительно жила в поместье.

– Ох, мэм, такая образина! Поначалу-то Лу везде носился, где ему было угодно, но мы до того боялись, что хозяин стал держать его в своей комнате. Выводил гулять на поводке, иначе он бы удрал. Однажды покусал кошку леди Бассет, ее любимицу... А если бы мы не отбили бедняжку, так загрыз бы совсем.

– Кошка поправилась?

– Да, хвала Господу! Хозяйка столько слез над ней пролила! Вот Перси и передумала помирать: стыдно ей стало.

Миссис Норидж про себя улыбнулась этой бесхитростной вере в совесть кошачьих.

– Но вообще-то мне и Лу нравился, – помолчав, смущенно добавила горничная. – Умный он был, хоть и любитель озорничать. А Перси все шипела на него и махала лапой, вот он и разозлился. Когда хозяин скончался, Лу и недели не протянул: слег да помер. Я по нему скучала куда больше, чем по кошке. Он, бывало, даст мне лапу – чисто король! – и хочет, чтобы я ему пальцы чесала. А ладонь-то у него вся в складочках... Ой! Простите, мэм! – Женщина, спохватившись, прижала ладонь к губам. – Разболталась я!

– Ничего, Ширли, все в порядке. Мне было очень интересно послушать про Лу. Скажите, мистер Ричардс запирает двери в свой кабинет?

– Никогда, мэм. Только во вторую комнатку, где он работает. Туда нам заходить без позволения нельзя. А первая всегда открыта.

Горничная уже собиралась уходить, но миссис Норидж окликнула ее:

– Мистер Ричардс был когда-нибудь женат?

– Никак нет, мэм, не был.

* * *

В следующие два дня Томас чувствовал себя намного лучше. Настолько, что они с Шарлоттой отважились на прогулку в экипаже, а миссис Норидж, воспользовавшись этим, отправилась в Фарнборо. К этому времени не менее двадцати партий было сыграно в шахматы с леди Бассет, и все до одной проиграны.

Ее не оставляло ощущение, что в Дастанвиле есть что-то театральное. Когда-то вместе с Джейн Марлоу они посещали Друри-Лейн. Декорации впечатлили Эмму больше, чем сама пьеса. Высокие панели, разрисованные деревьями, гротами или руинами, сменяли друг друга. Миссис Норидж с любопытством наблюдала, как они беззвучно двигаются за спинами актеров.

Отчего поместье леди Бассет вызывало в ее памяти то давнее посещение театра, когда они с Джейн были совсем молоды?

«Ах, как не хватает слуг-сплетников, – с сожалением подумала гувернантка. – Слугам известно все. Но каждая посудомойка в Дастанвиле надеется, что хозяйка не обделит ее наследством, и боится утратить ее расположение. Никто не станет откровенничать со мной – все опасаются, что это дойдет до ушей леди Бассет».

Чей образ хранил в памяти Эммет Ричардс? Белая жемчужина говорила о невинности той, которая подарила мужчине золотой локон; черный гагат в форме черепа – о том, что ее нет в живых.

Миссис Норидж миновала магазины на центральной улице Фарнборо, прошла мимо таверны «Баранья шея» и купила маленький букет поздних колокольчиков у торговки возле рынка. Затем она спустилась к церкви святого Михаила. За ней начиналось кладбище.

Неторопливо шествуя между надгробиями, миссис Норидж вглядывалась в имена усопших и даты жизни. «И ты, прохожий, готовься следовать за мной!» – предупреждала эпитафия на могиле старухи. «Здесь беспокойная душа обрела, наконец, покой. Как и ее близкие». Гувернантка сперва решила, что перед ней семейное захоронение, но на надгробии было выбито лишь одно имя: Тимоти О'Шейл. Родственники вздохнули с облегчением, избавившись от Тимоти О'Шейла. «Я не спешил сюда, и вы не торопитесь», – флегматичное пожелание мистера Клафли, дожившего до ста трех лет. «Будь проклят джин, что привел меня в холодную землю, а мою прекрасную Нэнси оставил вдовой. Нэнси, не мог я мечтать о лучшей жене! Нет тебя

добрее и прекрасней!» (миссис Норидж поставила бы совершен на то, что эпитафия была заказана доброй Нэнси).

– Что-то ищете, мэм? – раздался за ее спиной надтреснутый голос.

Старый кладбищенский сторож, хромая, подошел ближе, подслеповато вглядываясь в миссис Норидж.

– Вы, должно быть, знаете всех в округе, – уклончиво ответила миссис Норидж. – Вам знаком Эммет Ричардс из Дастанвиля?

Старик оживился.

– Еще бы! Еще бы не знать мне мистера Ричардса! Добрый человек и щедрый, да благословит его Господь! Так, значит, мэм, вы ищете могилу Сьюзен Нэш?

Миссис Норидж, не колеблясь, подтвердила, что так и есть.

– Ну, здесь-то вы ее не найдете...

Сторож замолчал, посматривая искоса, однако три пенса вернули ему разговорчивость.

– Пойдемте за мной, мэм.

Проводник привел миссис Норидж в самый заброшенный и тихий угол кладбища, где надпись на скромном камне сообщала, что под ним лежит Сьюзен Нэш, двадцати четырех лет от роду, да примет душу ее Господь.

– Отец ее сказал, что она пошла купаться и утонула, – бубнил сторож, пока гувернантка, нахмуясь, рассматривала надгробие. – Но у нас-то все знали, как дело было... Да и не утонешь в Блэкуотер, если хоть немного умеешь плавать, а Сьюзен, ясное дело, умела...

– Отчего она утопилась? – спросила миссис Норидж, вручая старику еще одну монету.

– Кто ж его разберет... Говорили, от несчастной любви. Может, мистер Ричардс передумал на ней жениться... Честная она была девушка, Сьюзен, и единственная дочка у своего папаши. Семья-то у них простая.

– Кто ее отец?

– Стивен Нэш? Приказчик у Бриггстоуна. Конечно, для них было бы честью породниться с леди Бассет. Должно быть, сестра запретила мистеру Ричардсу и думать о Сьюзен... Иначе отчего бы он передумал? Только уж вы мистеру Эммету не говорите, что я тут вам наболтал, – спохватился сторож. – Он здесь каждую неделю бывает, цветочки приносит.

Миссис Норидж положила колокольчики на могилу и еще раз посмотрела на дату смерти. Мисс Нэш скончалась три месяца назад.

На обратном пути гувернантку застал дождь. Вернувшись, она попросила дворецкого отправить кого-нибудь к ней разжечь камин.

На этот раз явилась не пожилая горничная, а совсем юная, с любопытным птичьим взглядом, и миссис Норидж решила попытать счастья.

Пока та разводила огонь, она спросила:

– Мэри, вы знали Сьюзен Нэш?

– Знала, мэм, – живо откликнулась девушка. – Моя мать стирала у Нэшей белье. Славная она была, Сьюзен... Может, самую малость гордячка.

– И чего не хватало такой красавице, что она решила свести счеты с жизнью... – задумчиво сказала миссис Норидж, обращаясь к окну.

Щеки горничной, когда она обернулась к гувернантке, были красны – но от возбуждения или от жара огня, сказать было сложно.

– Ах, да ведь Сюзи влюбилась без памяти, а он ее оставил!

– Кто бы мог ожидать такого от мистера Ричардса! – осудила гувернантка.

– Нет же, мистер Ричардс ни при чем! Он женился бы на ней, но Сьюзен бросила его, а тот, другой, возьми да брось Сьюзен. Вот она и кинулась с горя в реку. Брала бы мистера Ричардса – не прогадала бы, – заключила девушка, укоризненно качая головой.

– А тот, другой... – вопросительно начала миссис Норидж.

Лицо горничной выразило живейшее сожаление.

– Чего не знаю, того не знаю, мэм. Сюзен ведь была такая скрытная – ужас просто! Ни с кем не делилась. Они с мистером Ричардсом встречались тайно, даже хозяйка не догадывалась...

Девушка бросила опасливый взгляд на прикрытую дверь.

– Вот как?

Точно отмеренная доля сомнения в голосе миссис Норидж заставила щеки девушки вспыхнуть еще ярче.

– Я врать не стану, мэм! Если хотите знать, они из-за этого ссорились! Мистер Ричардс просил у хозяйки денег на иск... иск... испидицию, а когда она отказала, раскричался, что есть кое-что, о чем ей следует знать, и это Сюзен Нэш. А хозяйка спросила: что за Сюзен Нэш? А мистер Ричардс крикнул, что сейчас ей объяснит, да-да, объяснит, только как бы ей об этом не пожалеть. А потом он выглянул в коридор – лицо красное, в глазах слезы! Ей-ей, не вру! Он плакал – ну чисто маленький мальчик, которого наказали в Рождество. Увидел меня – я подшивала штору – и дверь захлопнул. Так что о чем они потом говорили, я не слыхала. – Вздох глубокого сожаления сопровождал это признание.

– Когда между ними случилась ссора? – спросила миссис Норидж.

– Пару месяцев назад, мэм. Да, точно: в самом начале августа. Хозяйка как раз купила породистую кошку, а та взялась драть шторы; вот я за ней и зашивала по всему дому. Уж такая вредная кошка!

«Нет ничего хуже болтливых слуг, – сказала себе миссис Норидж. – Но нет и ничего лучше».

Вечером в среду Томас Уилкинсон цвел, как мак. Он сыграл две партии с любимой тетушкой, помог выбирать цвета для вышивки Дженкинс, выпил бутылку кларета с Эмметом и очень мило пел под аккомпанемент невесты. Шарлотта прекрасно играла на фортепиано. Миссис Норидж предпочла бы ее исполнение, не обремененное пением, но мистер Уилкинсон не мог допустить и мысли, что кого-то могут интересовать скучные пьесы, когда есть он и его скромный баритон.

Ночью он встал, чтобы выпить воды, и потерял сознание. Леди Бассет послала за врачом. До утра доктор Эшли не отходил от больного. Томас то проваливался в обморок, то вновь приходил в себя. Плачущая Шарлотта сказала, выйдя из его комнаты: «Боже мой, миссис Норидж, он задыхается! Он задыхается!»

Миссис Норидж отыскала графин из-под кларета, но посудомойка успела отмыть его дочиста. А главное – Эммет пил наравне с племянником – и без малейших последствий!

Беседа с доктором Эшли не принесла результата. Тот не мог объяснить происхождение приступов у своего пациента. Отравление мышьяком он отверг. «У мистера Уилкинсона нет ни запаха чеснока изо рта, ни помрачения сознания, – с негодованием заявил он, глядя поверх очков на миссис Норидж. – Одышки и отека гортани также не наблюдается». «Вы могли бы сделать пробу Марша, чтобы исключить отравление, доктор».

Это предложение вызвало у эскулапа такой гнев, что он удалился, не удостоив миссис Норидж ответом.

– Неужели вы считаете, кто-то способен подсыпать мышьяк нашему милому Томасу? – произнес вкрадчивый голос за спиной гувернантки.

Миссис Норидж обернулась и увидела Дженкинс. Та стояла в темном углу, глаза ее поблескивали, как у грызуна. Казалось, она опасается выйти на свет.

Утро выдалось ясное и тихое. Другой человек, оказавшийся ранней осенью на кладбище в такую погоду, преисполнился бы романтических чувств. Старые замшелые плиты, на которых едва можно было прочесть имя и дату, навели бы его на размышления о времени, неумолимо стирающем память о людях даже с камней. Сияние витражей в соборе – на мысли о красоте, пережившей своих создателей. *Vita incerta, mors certissima!*

Другой – но только не миссис Норидж.

Чело ее и впрямь было омрачено думами. Однако повод к ним дала похоронная процессия, проследовавшая мимо гувернантки. Миссис Норидж опасалась, что кладбищенский сторож окажется занят на погребении.

Однако ее опасениям не суждено было сбыться. Она нашла старика на скамейке с другой стороны собора: он грелся, подставив лицо лучам солнца.

– А-а, опять пришли проводить нашу Сьюзен! – Старик хотел подняться, но гувернантка сама присела рядом с ним.

– Честно говоря, я надеялась найти здесь вас, – сказала она. – Вы, кажется, многих знаете в городе, мистер...

– Фальк! Джон Фальк.

– Мистер Фальк, – повторила гувернантка. – Может быть, вы что-то слышали о Дженкинс? Она подруга леди Бассет.

– Да какая она подруга! – проворчал старик. – Так, держат из милости. Дважды ей старуха давала пинка под зад и дважды возвращала. На третий раз, боюсь, Луиза Дженкинс закончит свои дни так же, как бедняжка Сьюзен.

– Сдается мне, в отличие от Сьюзен, ее вы не пожалеете, – заметила миссис Норидж. – Она чем-то обидела вас?

Сторож помялся.

– Все останется между нами, – заверила гувернантка. – В этом городе, кажется, только вы знаете, что случилось на самом деле, мистер Фальк.

В ладонь старика, подставленную будто бы случайно, легли две монеты и тут же исчезли.

– Не обидела, нет. Папаша Луизы, Том Дженкинс держал свою аптеку. Выглядел как червяк в очках, тихий, скромный, но вот дочку свою гонял и, говорили, поколачивал.

– Это были слухи или правда?

– Сам-то я этого не видел, – уклончиво ответил старик. – По Дженкинсу и не сказать было, что у него хватит сил отлупить кого-нибудь. Луиза как-то стащила у папаши деньги из кассы и пыталась сбежать. Ну, он ее отыскал, вернул домой и отходил как следует. Она две недели не показывалась в городе. Но у нее к составлению всяких снадобий был большой талант. Папаша все больше с таблеточками, микстурами и пилюлями возился, а она отвары из трав готовила, могла сущей ерундой страдание облегчить. У меня как-то раз зуб разнылся... Такая боль – впору башку об камень разбить! Так она велела положить в ухо дольку чеснока. И больше, говорит, ничего не делай. Только не в то ухо, что ближе к зубу, а в то, что дальше. – Старик подергал себя за мочку. – И что вы думаете? Прошло! За это я ее до сих пор добрым словом вспоминаю. И дома у меня всегда наготове чеснок, ежели опять разболится. Так о чем я?..

– Об аптекаре, ее отце.

– Да, точно. Мы с ним выпивали не раз. Не то чтобы дружбу водили... Но он не чурался меня и носа не задирал, как другой бы на его месте. Вот и вы ко мне со всем уважением – мистер Фальк! Приятно, что скрывать. Том в драку не лез, но и сам ее не боялся. Бывало, молчит весь вечер, а потом отмочит шуточку – и смеешься, как дурак, остановиться не можешь. Что-то в нем было такое... Эх, Том! Жениться ему надо было, а он вместо этого тихо злился и отводил душу на Луизе. Она, конечно, заслуживала трепку. То заказы перепутает, то начнет помогать ему и просыплет все порошки... А станет он на нее кричать – уставится, набычится и молчит.

Ни прощения не просит, ни ласковым словом не пытается его утихомирить. Только зыркает, как на врага. Даже у святого рука бы сама поднялась, чтобы ей врезать. А уж Том Дженкинс святым точно не был.

Старик прокашлялся.

– Когда Луизе было лет двадцать, леди Бассет занемогла. Том отправил дочку к ней с лекарствами, а что там дальше случилось между ней и леди Бассет, мне не ведомо. Одно могу сказать: она пришлась хозяйке Дастанвиля по душе. Луиза прибегала к ней чуть свет, приносила свои отвары, отпаивала ими старуху... Хотя в те времена она старухой-то еще и не была! Уж не знаю, что помогло – ее снадобья или пилюльки с порошками, но леди Бассет поправилась. И щедро наградила Луизу. Девчонка сразу повеселела! Как же – она теперь невеста с приданым! Но Том рассудил иначе. Он давно хотел помещение побольше, и деньги, что получила Луиза, вложил в покупку новой аптеки. Я не одобрял этот его поступок. Но Том уперся, а когда он упирался, сдвинуть его нельзя было ни вот на столечко.

Старик показал самый кончик грязного пальца.

– Забыл сказать: Том страдал приступами падучей. Я уж привык, что пару раз в год приходится совать деревяшку ему в зубы и поддерживать голову, чтобы он не разбил ее об пол. Том говорил, что эта болезнь загонит его в могилу. Но вряд ли он догадывался, как именно это случится. Прошло с полгода после того, как они с Луизой переехали на новое место, всего в квартале отсюда. От покупателей у них отбою не было. И вдруг однажды ночью случится пожар. Отчего полыхнуло – бог весть! Новая аптека сгорела быстрее, чем сухой стог. Луиза успела выскочить. Когда ее начали спрашивать про отца, она отвечала, что отец давно убежал. Да только это была ложь. Том остался внутри.

– Но при чем же здесь падучая, мистер Фальк?

Старик почесал в затылке.

– Может, и ни при чем. Но вот что я вам скажу, мэм. Во-первых, сон у Тома был чуткий, как у птицы. Волосок при нем нельзя было выдернуть из собственной ноздри, чтобы он не проснулся. Во-вторых, я научился по кое-каким признакам узнавать заранее приближение этого его... припадка. Бывало, за три дня чуял, что надо быть настороже. Объяснить толком не смогу. Походка у него менялась, и голову держал по-другому... А еще рукой как начнет махать, будто муху отгоняет, – раз, другой, третий! А мухи-то никакой и нет. За день до пожара я все это видел и сказал себе: «Э-э-э, приготовились!» Я думаю, когда начался пожар, Том лежал на полу и дергался. А Луиза посмотрела на него, повернулась, да и прыг в окно! А соседям наврала. Она знала, что он внутри, живой, и что может найтись смельчак, который полезет за ним в огонь. Если на то пошло, она и сама могла бы его вытащить, да только не захотела. Вот за что я не люблю Луизу Дженкинс, мэм. Обгорелое тело Тома нашли, когда от аптеки ничего не осталось. Он лежал на полу посреди своей комнаты. Луиза поклялась, что слышала шаги отца и была уверена, что он успел спастись... Ей все поверили.

– Все, кроме вас.

– Да нет, кое-какие разговорчики ходили. Но к этому времени Луизу приютила у себя леди Бассет, а наживать себе такого врага дураков не нашлось!

Вечером миссис Норидж вновь сидела напротив Аделизы Бассет. Их разделяла шахматная доска. Томасу стало лучше, и доктор, опасавшийся, что его заставят ночевать возле пациента, уехал в Фарнборо. Его место заняла самоотверженная Шарлотта.

Первые две игры Дженкинс было позволено присутствовать. Но затем Аделиза изгнала ее из комнаты в своей обычной резкой манере.

– Отчего вы к ней так строги? – спросила миссис Норидж.

– Она это заслужила, – отрезала старуха.

Гувернантка задумчиво взглянула на нее.

Вопреки первому впечатлению, она обнаружила, что хозяйка поместья не деспотична со слугами и не жестока. Днем миссис Норидж успела спуститься в подвал и отметила, что кухня оборудована огромной газовой плитой. Гувернантка не удивилась бы, обнаружив, что в Дастанвиле до сих пор готовят на очаге. Но плита! Да еще такая современная! Определенно, леди Бассет заботилась о прислуге.

Миссис Норидж ни разу не слышала, чтобы она повысила голос на нерасторопную служанку. Мэри рассказала, что хозяйка вручает им подарки дважды в год, а на Рождество дополнительно – прибавку к жалованью. «Что ж, щедро. Скупость вам тоже не свойственна, леди Бассет».

Тем удивительнее было, что Аделиза третирует несчастную приживалку.

Могла ли дочь аптекаря спасти от пожара кое-какие лекарства? Наверняка. Но сохранили ли они свое действие столько лет спустя?

«Боюсь, мне все-таки придется написать доктору Хэддоку».

– О чем вы задумались, миссис Норидж? – спросила Аделиза.

Гувернантка не сочла нужным скрывать правду.

– О вашем отношении к Дженкинс, леди Бассет.

– Вот как! «Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда твоя рука в силе сделать его». Книга Притчей Соломоновых, глава третья, стих двадцать седьмой.

– Боюсь, вы неверно меня поняли, – сказала миссис Норидж, сделав ход. – «Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобою».

Леди Бассет от души рассмеялась.

– Вы полагаете, я замышляю зло против моей бедной Дженкинс?

– Я полагаю, она страдает.

Вопреки ожиданиям гувернантки, старуха не рассердилась.

– Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость. Справедливость, миссис Норидж, – вот что должно править миром! Вот чего Всевышний ожидает от нас. – Леди Аделиза благоговейно склонила голову и помолчала.

– Так вы наказываете ее?

– А если и так? – Старуха в два хода разгромила слабую защиту миссис Норидж. – Шах.

– И Дженкинс знает, в чем ее проступок?

– Вы напрасно использовали рокировку, это вас не спасет. О да, Дженкинс знает!

Станный угрюмый тон старухи заставил гувернантку пристальнее взглянуть на нее.

«Дженкинс? О нет! Это вы, леди Бассет, знаете о том, что ваша приживалка бросила отца погибать в пожаре». Миссис Норидж чувствовала, что ее догадка верна. Хозяйка поместья приютила у себя обездоленную девушку, она была с ней ласкова, и в конце концов та проговорила, как все произошло.

Том Дженкинс был ей плохим отцом. Вряд ли дочь видела от него что-то, кроме побоев и издевательств. Но все это не оправдывало Луизу в глазах леди Бассет.

– Тот, кто терзается, тот близок к раскаянию, – продолжала Аделиза. – А тот, кто раскаивается, будет прощен Господом.

– Так вот отчего вы несколько раз выгоняли Дженкинс? – осведомилась миссис Норидж, провожая взглядом свою павшую ладью. – Она недостаточно терзалась?

– Всего дважды. Но вы, я вижу, осуждаете меня?

– Кто я такая, чтобы осуждать вас, леди Бассет.

– Вот именно, миссис Норидж! Хорошо, что вы понимаете это. – Старуха вскинула голову. – Справедливость – высшее благо. Нет ничего важнее справедливости в нашей жизни, полной грехов и преступлений! И если в наших силах хоть немного восстановить ее, нужно пользоваться этим. Вам мат, миссис Норидж.

... Наутро от приступов Томаса не осталось ничего, кроме слабости. Он вновь лежал в постели, бледный, несчастный и раздраженный. Казалось, даже присутствие невесты не радует его. Миссис Норидж сменила Шарлотту, но когда девушка ушла, Томас попросил убрать книгу.

– Не могу больше слушать этих глупцов, проклятых писак. Воображают, будто они что-то знают о том, куда нужно плыть, а сами лишь крысы на корабле, как и все мы.

– Чем же вас занять, мистер Уилкинсон?

Томас раздраженно качнул головой.

– Партию в шахматы?

– Нет, только не это. У меня все пальцы исколоты из-за проклятых фигур. Я никак не соображу, что такое со мной приключилось, – вдруг сказал он, и рот его жалобно искривился. – Доктор надувает щеки, но понимает не больше моего. Чего мне ждать, миссис Норидж? Смерти? Боже мой, мне еще нет и тридцати!

Дверь была открыта: доктор Эшли наказал, чтобы в комнате больного не прекращалось движение воздуха. Долговязая фигура возникла в проеме. Эммет Ричардс шел по своим делам, но, услышав последние слова племянника, остановился.

Томас продолжал, не замечая его:

– Вы не представляете, как мне было страшно этой ночью! Что могут знать о смертельном ужасе люди, никогда не задышавшиеся!

Миссис Норидж затруднилась с ответом.

– Что, если я и в самом деле погибну от удушья? Может ли быть смерть страшнее?

– Вам не нужно думать об этом сейчас, мистер Уилкинсон.

– Я и рад бы, но больше ничего не идет на ум! Я весь – страх и ничего, кроме страха. Как это унижительно!

Томас уткнул лицо в ладони.

Эммет шагнул в комнату. Миссис Норидж, поднявшая на него глаза, увидела, что его некрасивое нервное лицо преобразила жалость.

– Взгляни, Томас, – позвал он мягко. – Может быть, это отвлечет тебя? Я нашел ее в своих вещах. Кросби когда-то отдал ее мне, но с тех пор я об этом позабыл. Посмотри, как великолепно выполнены рисунки! Супруг твоей тети был невероятно талантлив, я не устану это повторять...

Томас отнял руки от лица и уставился на пожелтевшую тетрадь, которую протягивал ему Эммет. Листы были покрыты беглыми карандашными набросками. Страусы, антилопы, бегемоты, белки-летяги, крошечные обезьянки с человеческими личиками, носороги, бегемоты, дикообразы... Сэр Кросби Бассет был одаренным рисовальщиком.

Томас выхватил тетрадь и с неожиданной силой отшвырнул ее в угол. Его дядя горестно ахнул.

– Что ты делаешь? Зачем?

– Слышать больше не могу про ваши проклятые путешествия, про ваши исследования и открытия! – выкрикнул Томас. – Зачем ты принес мне этих тварей? Кому они нужны? «Мне пришлось отправиться на Танганьiku одному!» – передразнил он. – И это предмет твоей гордости! Паршивое озеро, которое никому не нужно, кроме тебя и горстки вонючих дикарей!

– В тебе говорит болезнь, – прошептал Эммет, прижимая тетрадь к груди.

– Тетушка правильно сделала, что спалила все, как только Кросби сыграл в ящик! Огонь! Все в огонь! И тетрадь в огонь, и твой дурацкий кабинет, и все твои карты с глобусами... Вы не заслуживаете ничего другого! Пыль и старье! Пыль и старье!

Эммет побагровел.

– К-как т-ты смеешь говорить такое о К-кросби, – заикаясь от гнева, начал он.

– Завтра же скажу тетушке, чтобы выкинула твой хлам! – заявил Томас, дерзко уставившись на него.

Миссис Норидж, поначалу решившая, что мистер Уилкинсон решил жестоко подшутить над дядей, поняла, что он говорит всерьез.

Понял это и Эммет Ричардс. Он криво усмехнулся, оскалив желтые зубы, выдающиеся вперед.

– Скажешь тетушке? Что ж, давай, Томас! Потребуй от нее все! Ты ведь хочешь ее денег, а? Скажи, чтобы она упомянула тебя в завещании... – Голос его зазвучал зловеще. – И послушай, что Аделиза тебе ответит!

– О чем ты? – насторожился Томас.

– А я-то еще пожалел тебя! Дурак, тысячу раз дурак... Ты не заслуживаешь ни уважения, ни жалости!

– Ты сам мечтаешь заполучить Дастанвиль! Но ты не получишь от нее ничего!

– Что ж, возможно, – по-прежнему оскалясь, продолжал Эммет. – Но кому он точно не достанется, мой дорогой мальчик, так это тебе. Тебе не увидеть от Аделизы ни пенни! Ни пенни, слышишь?!

– Тебе-то откуда знать!

– О, я знаю, мальчик мой! Поверь мне, уж я-то знаю!

Мистер Ричардс помчался к двери, выронил по дороге тетрадь, вздрогнул и вернулся за ней. Порыв ветра донес до миссис Норидж запах от его жилета. Она узнала аромат – так пахло и в шкафу с ядами. Перед мысленным взором миссис Норидж возникла, без всякой на то причины, огромная миска риса...

– Ах вот оно что!

Восклицание вырвалось у нее так неожиданно, что мужчины уставились на нее. Томас неожиданно чихнул. Его дядя вздрогнул, как испуганное животное, и метнулся прочь.

Миссис Норидж последовала за ним. Она поняла многое в ту секунду, что созерцала воображаемую плошку риса, но далеко не все.

– Мистер Ричардс, постойте!

Эммет, все еще красный от ярости, обернулся к ней.

– Что такое?

– Ответьте мне на один вопрос: как умер шимпанзе?

– О чем вы говорите?

– О шимпанзе Лу, – терпеливо повторила гувернантка. – Которого привез из Африки и держал у себя сэр Бассет.

Эммет Ричардс с трудом удержался, чтобы не ответить резкостью. Меньше всего в эту минуту его занимала мертвая обезьяна.

– Он просто перестал двигаться и издох.

– Вы сказали, он мучился.

Когда миссис Норидж хотела добиться ответа, она его добивалась. Ее кроткая настойчивость сделала свое дело: Эммет задумался, на время позабыв о племяннике и нанесенном им оскорблении.

– Я так сказал? – переспросил он. – В самом деле? Нет, это преувеличение. Да, он задыхался... Наверное, потому я и упомянул о мучениях... Но это длилось недолго. Потом он просто застыл, словно чучело. И все. Конец наступил очень быстро.

– Мистер Ричардс, вы не осматривали его?

– Осматривал. Я намеревался добавить его в свою коллекцию экспонатов, но Аделиза наотрез запретила мне. Она видеть не могла эту обезьяну, ни в живом, ни в дохлом виде.

– У шимпанзе были какие-то раны?

Эммет озадаченно уставился на нее.

– Откуда вы знаете? Да, в самом деле, я припоминаю, что на плече у него была длинная царапина. Правда, поверхностная. Я не придавал ей значения, ведь он мог поранить сам себя, от скорби по хозяину.

Миссис Норидж сомневалась, что несчастный шимпанзе уподобился вдовам-плакальщицам, расцарапывающим собственные лица, но вслух сказала только:

– Благодарю вас, теперь многое становится яснее.

Эммет решительно пошел прочь, но возле лестницы остановился. Миссис Норидж все еще стояла в задумчивости перед закрытой дверью спальни. Пальцы ее исполняли в воздухе подобие гаммы. Поколебавшись, Эммет возвратился к ней.

– О чем вы говорите? – спросил он, сощурившись. – К чему эти странные расспросы?

Миссис Норидж перевела на него взгляд.

– Однажды мне довелось видеть, как человек заблудился среди нарисованных деревьев. Это был спектакль, а человек был лицедеем. Глядя на вас, я задаюсь вопросом: заблудились ли вы среди своих колонн, мистер Ричардс? Погрузились ли полностью в свою игру, перестав различать выдумку и реальность? О, вы краснеете. Это хороший признак. Лжецов, которые сами уверовали в свою ложь, невозможно вогнать в краску.

– Н-не понимаю, о чем вы...

– О запахе камбоджийской гарцинии, порошок которой вы храните в своем шкафу. Я вспомнила ее не сразу. Мне довелось бывать в Индии, как и вам. Местные хозяйки добавляют эту специю в еду, а в Англии она почти неизвестна – этим вы и воспользовались. Все остальное куплено на рынках, хотя что-то вы, наверное, спасли из огня, в котором горели вещи покойного сэра Бассета.

Ричардс выставил ладони в умоляющем жесте, но миссис Норидж не замолчала.

– Что в остальных пробирках? – спросила она. – Подкрашенное масло? Эти колонны, черепа, головы мертвых зверей и разбросанные карты должны были убедить всех, что вы настоящий ученый, как и ваш шурин. Сэр Кросби Бассет действительно был исследователем. Вы же лишь притворяетесь им. Хранить в шкафчике смертельно опасные яды и не запирасть ни одной двери? Нонсенс! Вы пытались убедить меня, что мне случайно удалось проникнуть в вашу святая святых. Но туда может попасть любой желающий. Вы – подделка, мистер Ричардс, хоть и безобидная. Все ваши истории взяты из чужих книг и дневников. Должно быть, они хранятся в той каморке, где вы прячетесь от всех. Когда вы упомянули Танганьiku, это название показалось мне знакомым. Но я не могла уловить, откуда пришло ко мне воспоминание... – Миссис Норидж нахмурилась и склонила голову. – Они мучили меня, это озеро и аромат из вашего шкафа, и вызвали в памяти посещение театра... Лишь сегодня мне удалось вспомнить. Капитан Ричард Френсис Бертон много писал о своих путешествиях по Восточной Африке. Экспедиция Бертон и Спика – вот что вы пересказывали нам, не правда ли? Ах, мистер Ричардс, – с упреком произнесла она, – нельзя полагаться на невежественность своих слушателей. Книга «Озера экваториальной Африки» была опубликована не так давно, чтобы о ней успели забыть.

Эммет обессиленно прислонился к стене.

– Вы – романтическая выдумка, мистер Ричардс!

– Лучше быть романтической выдумкой, чем прозаическим ничтожеством! – вырвалось у него.

– Вот почему леди Бассет не тронула ваш кабинет. Она знала, что вы никуда не выезжали, кроме Индии, и молчаливо поддерживала вашу мистификацию. Не сомневаюсь, вы были благодарны ей. Но два месяца назад что-то случилось... Или некий процесс подошел к концу. Вы твердо решили совершить настоящее путешествие. Куда вы хотели отправиться, мистер Ричардс?

Вопрос был задан тоном искреннего участия, и Эммет вдруг преобразился. Он поднял голову, краска схлынула с его лица.

– В Южную Америку, – тихо, но твердо сказал он. – В поисках истоков Амазонки. Ведь до сих пор нет единого мнения... Уильям Чандлесс исследовал Пурус до верховья – но и только. Бейтс в «Натуралисте на реке Амазонке» – вы читали ее, конечно же? – утверждает, что...

– Мистер Ричардс, – позвала гувернантка.

Эммет вздрогнул. Слабая улыбка появилась на его губах.

– Вы хотите сказать, что я лжец и бесплодный мечтатель? Вы правы. Я всю жизнь бежал от смерти, бежал так далеко, что последние годы вовсе не жил, а имитировал жизнь. Спектакль и декорации? Так и есть.

– По счастью, вы *все* лишь лжец, – согласилась миссис Норидж.

– Что вы имеете в виду?

– Вы хвастун, мистер Ричардс, хвастун – и только. Вам хотелось признания, хотелось восхищения, но вы не знали, как получить их, и выдумали самого себя. Хвастуны убивают лишь из страха перед разоблачением. Но Томас Уилкинсон не знает, кто вы на самом деле; его совсем не интересуют ваши путешествия. Он человек сугубо практического склада характера, чтобы не сказать ограниченного. Он не придавал ни малейшего значения вашим историям, а значит, не мог вас разоблачить. Не вы убивали его.

– Отчего вы говорите об убийстве? – в изумлении произнес Эммет, вглядываясь в нее. – Томас болен... у него приступы...

Миссис Норидж помолчала.

– Где сейчас ваша сестра, мистер Ричардс?

– Кажется, в гостиной, вместе с Дженкинс... Что вы задумали?

* * *

Некоторое время спустя миссис Норидж вошла в гостиную.

– Как здоровье нашего дорогого Томаса? – спросила Аделиза, отложив молитвенник. Дженкинс, молча сидевшая рядом с ней, выжидательно уставилась на гостью.

– Ему лучше, – кратко ответила та. – Не хотите ли сыграть в шахматы, леди Бассет?

Старуха недоуменно подняла брови.

– Я учла опыт предыдущих партий, – добавила миссис Норидж, – и в этот раз намерена обыграть вас.

– Неужели!

– Так вы согласны?

– Дженкинс, принеси шахматы.

Слуга втащил за Дженкинс тяжелую коробку. Фигуры были расставлены, и партия началась. Белая пешка миссис Норидж продвинулась на е4.

– Вы вновь играете испанскую партию, – заметила леди Бассет, не скрывая разочарования. – Я ожидала от вас большего!

Спустя четыре хода конь миссис Норидж пал смертью храбрых. За ним последовала пешка.

– Если вы намеревались меня обыграть, то выбрали неправильную тактику. Знаком ли вам гамбит Яниша, дорогая? – покровительственно осведомилась хозяйка.

– Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, – проговорила миссис Норидж, будто не слыша ее, – ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.

– Да что с вами сегодня? – рассерженно воскликнула Аделиза. – Вы рассеянны и цитируете невпопад Священное Писание... Неужели болезнь моего племянника пагубно отразилась на вас?

– Болезнь? – удивленно повторила миссис Норидж. – О, леди Бассет, не лукавьте!

– Что вы хотите этим сказать?

– Состояние мистера Уилкинсона – дело ваших рук. Вы трижды пытались его отравить. На четвертый или пятый раз у вас бы это получилось...

Рука старухи, занесенная над фигурами, повисла в воздухе. Прошло немало времени в тишине, прежде чем она сказала ничего не выражающим тоном:

– Дженкинс, оставь нас.

– Но...

– Выйди!

Дженкинс выбежала на цыпочках; дверь закрылась, и две женщины остались наедине.

Ладья леди Бассет продвинулась вперед.

– Ваш ход, миссис Норидж.

Гувернантка оглядела поле сражения.

– Два месяца назад ваш брат пришел к вам и попросил денег, – сказала она. – Девушка, на которой он хотел жениться, умерла. Мистер Ричардс надеялся, что вы поможете ему, но вы отказали. Вы были грубы с ним, леди Бассет, вы унизили и высмеяли его. И ваш брат не выдержал. Он рассказал вам, что произошло со Сьюзен Нэш на самом деле.

– Ваш ход, миссис Норидж!

– Сьюзен Нэш полюбила вашего племянника, – продолжала гувернантка. – Мистер Уилкинсон, разумеется, обещал жениться на ней. Он воспользовался ее доверчивостью. Но вскоре ему встретилась другая девушка, куда более обеспеченная, и Томас Уилкинсон решил, что будет круглым дураком, если упустит такую возможность. Он обручился с Шарлоттой Марлоу, за которой давали солидное приданое, соврав ее матери, что имеет две тысячи фунтов дохода. Сомневаюсь, что у него наберется и восемьсот.

– Вы будете ходить или нет? – повысила голос леди Бассет.

Миссис Норидж подвинула вперед пешку с видом полного безразличия к ее дальнейшей судьбе.

– Вы подставили под удар своего коня, – сообщила Аделиза.

– Что поделать, – невозмутимо откликнулась миссис Норидж.

Конь был съеден.

– Сьюзен Нэш, опозоренная и брошенная, утопилась в реке, – сказала миссис Норидж. – Думаю, она носила под сердцем ребенка Томаса. Ваш брат узнал обо всем; он возненавидел племянника. Прийти к вам с рассказом о его поступке, не имея ни малейших доказательств, кроме чужих слов? Невозможно! К тому же он не хотел расстраивать вас. Ему оставалось бес- сильно наблюдать, как вы все сильнее очаровываетесь. Но когда вы отказали в его просьбе, и не просто отказали, но поставили ему в пример Томаса – такого великолепного, искреннего и достойного любых денег! – ваш брат не выдержал: в запальчивости он выложил вам все, что случилось с мисс Нэш.

Миссис Норидж пошла ферзем.

– Шах, – резко сказала леди Бассет.

– Мистер Ричардс плохо вас знает. Вы одержимы идеей справедливости. В ваших глазах Томас совершил преступление. Но наказать его по человеческим законам не представлялось возможным. И тогда вы взяли правосудие в свои руки.

– Вам шах, миссис Норидж!

– Ваш супруг привез из одного из своих путешествий редкое и чрезвычайно опасное средство. Может быть, он получил его сам? Ваш брат упоминал, что у сэра Кросби имелась небольшая лаборатория. Мой знакомый доктор однажды описывал мне механизм воздействия растительного яда, алкалоида, извлекаемого из лианы, что растет в Южной Америке... Подозреваю, что-то подобное и было среди трофеев вашего супруга. Этот яд вызывает мышечный и дыхательный паралич. Вы прочитали об этом в дневниках мужа, леди Бассет. Сэр Кросби подробно описывал смертоносное воздействие яда. Вы нашли яд и испробовали его...

– Что за чушь! – не выдержала Аделиза.

– ...на несчастной обезьяне, – невозмутимо продолжала миссис Норидж.

Губы леди Бассет презрительно скривились.

– Омерзительное животное, – процедила она. – Чуть не прикончило мою кошку.

– Ну, а вы прикончили его. Вам нужно было проверить, в самом ли деле яд обладает такой чудовищной силой, как описывал ваш муж, и вы оцарапали шимпанзе каким-то острым предметом, на который было нанесено это средство. Наверное, вы в глубине души не верили в правдивость слов сэра Кросби. Однако обезьяна умерла. Вы запретили брату сделать чучело, потому что не были уверены, что яд не подействует на человека. Вам нечего было опасаться: туземцы едят животных, убитых с его помощью. Для мистера Ричардсадохлый шимпанзе был совершенно безобиден.

– Вы будете продолжать партию или нет?

– Я именно это и делаю, – ответила миссис Норидж и передвинула короля. – Яд долго ждал своего часа. Но вот много лет спустя в вашем доме появляется Томас Уилкинсон – волк в овечьей шкуре!

– А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море, – негромко, но внушительно проговорила леди Бассет.

– Кто прольет кровь человеческую, того прольется кровь рукою человека; ибо человек создан по подобию Божию, – так же негромко парировала миссис Норидж.

Леди Аделиза усмехнулась.

– Никто не посмеет сказать, что я пролила кровь сына собственной сестры!

– Верно: он пролил ее сам. Вы всего лишь смазывали перед началом партии ядом острие короны ферзя. А затем наблюдали, как ваш племянник постукивает по шахматной фигурке, прежде чем передвинуть ее. Вам, должно быть, сразу бросилась в глаза его привычка, и вы сообразили, как ее использовать.

Леди Бассет выпрямилась в своем кресле и уставилась на гувернантку. Взгляд ее был тверд, и ни тени сомнения не звучало в голосе, когда она проговорила:

– Не от меня зависела участь Томаса, а от воли Всевышнего! Вот кому я вручила судьбу этого мерзавца. Он совратил девушку и устремился в погоню за деньгами. Она совершила тягчайший грех из-за него! Разве можно простить такое?!

Миссис Норидж пожала плечами:

– Вы могли в любую минуту выставить его из своего дома. А вместо этого присвоили себе роль судьи.

– Судья выносит окончательный приговор! Я же предавала Томаса в руки Господа. Выставить его из дома? Чтобы он женился на мисс Марлоу и жил в счастливой праздности, тратя ее деньги? – Голос леди Бассет наполнился гневом. – Не должен преступник блаженствовать, когда на его руках – кровь невинных! Он должен понести наказание! А вы и подобные вам лишь потакают греху, еще сильнее развращая распутников! Ибо безнаказанность развращает!

– Разве что-то мешало вам написать миссис Марлоу о том, что вы узнали? Репутация мистера Уилкинсона была бы погублена.

– Он нашел бы себе другую жертву – только и всего! Или вы полагаете, я должна была все оставшиеся мне годы жизни следовать за ним по пятам, ограждая от него юных дев? Вот оно, лицемерие! Все подобные вам ханжи рассуждают именно так. Но я скажу вам вот что, миссис Норидж: если бы Всевышний не желал наказания для моего племянника, он не привел бы его под мою крышу!

– Кажется, это вы пригласили его?

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю! – Она склонилась над доской и передвинула ладью. – Шах и мат, миссис Норидж! Вы вновь потерпели поражение. А теперь... – Она при-

поднялась в кресле. – Теперь я хочу, чтобы вы покинули мой дом! Признаю: вы разнюхали здесь все, что только можно. Что ж, вам известна правда! Но что мне с того? Вы не сможете никому ничего рассказать, а если попробуете, я привлеку вас к суду за клевету.

Губы миссис Норидж тронула слабая улыбка.

– Что вас развеселило? – гневно спросила Аделиза.

– О, сущая безделица, леди Бассет. Вами и вам подобным, что непременно желают восстановить справедливость и наказать грех; вами, стремящимися взять правосудие в свои руки, – всеми вами управляет одно и то же заблуждение.

– О чем вы говорите?

– Вы всегда и везде ставите себя на место судьи, – спокойно ответила миссис Норидж.

Аделиза Бассет нахмурилась.

– Я вас по-прежнему не понимаю...

– Ваша этическая система, леди Бассет, устраивает вас лишь до тех пор, пока *вы* вершите расправу; пока *вы* решаете чужую судьбу. И мысли не допускаете, что на скамье подсудимых придется оказаться вам. Но задумайтесь: если вы дадите себе право карать преступника, не кажется ли вам закономерным, что и вас покарает тот, кто присвоит себе право казнить и миловать?

Недоверчиво усмехнувшись, старуха покачала головой.

– Такого человека нет! Некому посадить меня на скамью подсудимых! А знаете почему, миссис Норидж?

– Развейте мое непонимание.

– Потому что для этого нужны качества, которыми никто – ни один из вас! – не обладает! – Леди Бассет обвела широким жестом вокруг себя. – Нужны бесстрашие, ум и воля, да-да, воля! А еще – терпение! Но главное – смелость.

– А я-то полагала, что все, что нужно, это склянка с ядом, – пробормотала миссис Норидж будто бы про себя.

Леди Бассет осеклась.

– И впрямь удивительно, как одна маленькая склянка меняет дело, – задумчиво продолжала гувернантка. – Видит Бог, я не обладаю ни бесстрашием, ни волей, ни особым умом. Но разве это помешало мне смазать ядом корону черного ферзя? Ничуть!

Леди Аделиза с таким ужасом отдернула руку от шахматной доски, что кресло покати-лось назад.

– Вы... вы этого не сделали... – прошептала она. – Вы бы не посмели... Покуситься на меня, хозяйку Дастанвиля?!

– Ни в коем случае! – заверила миссис Норидж. – Я предоставила вашу будущность в руки Всевышнего. Вы плохо спрятали яд, леди Бассет, и в этом, несомненно, проявилась воля Господа. Разве могла я не следовать ей?

Старуха побледнела.

– Что вы наделали?

– Несомненно, Он привел меня под своды Дастанвиля. – Миссис Норидж поднялась. Улыбка исчезла с ее лица. – Но я не стала ограничиваться шахматами. Это было бы подражательство. Нет-нет, леди Бассет, есть и другие предметы, что ждут вашего прикосновения!

– Какие? Что вы смазали этим составом, безумная женщина?!

– Вашу судьбу решит Провидение, – отрезала миссис Норидж. – Если ему будет угодно, на вашей коже не окажется ни одной ранки, сквозь которую яд просочится в кровь. А если нет...

Аделиза поднесла ладонь ко рту. Губы ее начали синеть.

– Я... я задыхаюсь... – хрипя, выговорила она. – Бог мой, доктора! До-кто...

Миссис Норидж неторопливо покинула гостиную. К ней метнулась испуганная Дженкинс.

– Полагаю, вы нужны ей, – сказала гувернантка.

Час спустя карета увозила двух женщин из поместья. Когда Дастанвиль скрылся за холмами, младшая дала волю слезам.

– Как он мог? – рыдала Шарлотта. – Как он мог?! Ах, миссис Норидж, я никогда не буду счастлива!

– Поверьте, Томас может сказать о себе то же самое, – заверила гувернантка. – Его надежды на наследство рухнули, а та, которую он считал другом и благодетелем, едва не убила его.

– Поверить не могу, что леди Бассет это сделала!

– А вот мистер Уилкинсон сразу поверил. Он так поспешно кинулся собирать свои вещи...

– Подлец! – Шарлотта вновь уткнулась в платок.

– Наследства не будет, брак с вами расстроен, а собственных средств у вашего бывшего жениха совсем немного... Ему придется туго. Он так старался весь этот год, приручая леди Бассет, а добился лишь того, что едва не отправился следом за обезьяной. По-моему, в этом есть известная ирония.

– Меня пугает ваше чувство юмора, – всхлипнула девушка. – И о какой обезьяне вы говорите?

– Ах да, шимпанзе! – У миссис Норидж сделался вид человека, который в последнюю минуту вспомнил что-то важное. – Кучер! Остановите, когда будете проезжать над рекой, будьте так любезны.

Возница выполнил просьбу пассажирки.

– Мэм, вот ваша река, – с ухмылкой крикнул он, обернувшись.

– Подождите минутку, Шарлотта, – попросила гувернантка, выбираясь из кареты.

Придерживая шляпку, чтобы та не улетела от ветра, миссис Норидж прошла несколько шагов по мосту. Шарлотта, высунувшись в окно, видела, как гувернантка что-то достала из сумочки и, размахнувшись, с силой швырнула в реку. Девушке показалось, что это был камешек. Буль! – он мгновенно скрылся под водой, не оставив даже кругов.

– Что это такое? – спросила Шарлотта, забыв на время о своем безутешном горе.

Миссис Норидж задумалась.

– Все зависит от того, с какой стороны посмотреть, – сказала она наконец. – С одной стороны, это крошечный флакон с ядом.

– Тот самый яд! – ахнула Шарлотта. – Вы открывали его?

– Боже упаси! Я всего лишь нашла его – не без помощи мистера Ричардса, решившего, что куда безопаснее будет передать его в мои руки, чем оставлять у сестры. Он был прав. Леди Бассет так впечатлительна!

Миссис Норидж с явным осуждением покачала головой, вспомнив, как задыхалась хозяйка Дастанвиля в своем кресле, пока Дженкинс хлопотала вокруг нее.

– Определенно, прав доктор Хэддок: значительная часть болезней порождается страхом и более ничем.

– А вторая сторона? – напомнила Шарлотта.

– Что? Ах да, вторая сторона... Если посмотреть с другой стороны, можно сказать, что этот флакон – небольшая месть.

– Неужели за Томаса?

Миссис Норидж усмехнулась:

– О нет, моя дорогая! За того, кто был куда достойнее мистера Уилкинсона, – за одного старого шимпанзе.

Миссис Норидж слушает

Часть 1

Истории у камина

О, как завывала буря в тот майский вечер! Старые тисы скрипели, крепко обхватив друг друга, и розы льнули к земле. Когда же ветер утих, небеса разразились холодным яростным дождем. Дождь барабанил в окна и заливал садовые дорожки, превращая их в подобие рвов, отрезавших древний замок Вудчестер от остального мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.